

Валерия Вербинина

Ее любили все

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=319672
Ее любили все: Эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-42016-2

Аннотация

Виктория Палей – автор остросюжетных романов. Но она не предполагала, что ее жизнь тоже однажды станет похожа на детектив... Вечер памяти погибшей год назад подруги Евгении превратился в череду необъяснимых убийств. Загородный дом, где собрались те, кому была дорога Женя, отрезало от мира – у всех пропали мобильные телефоны, а за окнами бушевала метель... Виктории пришлось на время забыть про книги и искать убийцу, который где-то совсем рядом, но мотивы его поступков совершенно необъяснимы. Оказывается, почти все находящиеся в доме мужчины когда-то были связаны с Евгенией весьма недвусмысленным образом, включая возлюбленного Виктории Кирилла. Но сейчас не время для ревности и выяснения отношений, ведь гостей остается все меньше...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	34
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Валерия Вербина

Ее любили все

Все персонажи и события, описанные в этом романе, а также место действия и наименование приведенного в тексте лекарства являются свободным художественным вымыслом. Любые совпадения с реальностью – не более чем случайность.

Глава 1

Завязка

Клиент появится ровно в полдень. Откроет дверь – без стука, войдет в кабинет – без приветствия. Как будто так и надо. Никакого, пусть даже чисто формального, «здрасте», никакого «до свидания» на прощание. Все разговоры, все слова – только по делу. По его делу, которым Толя Владимиров занимался уже не первый месяц, – и вовсе не для того, чтобы получить с клиента как можно больше денег, а потому, что дело и в самом деле выдалось муторное и в чем-то даже мучительное. Чем дальше, тем больше вопросов, а ответов на них не появляется.

По натуре Толя вовсе не был любителем пустопорожней болтовни, но теперь, когда ему приходилось то и дело встречаться с клиентом, чтобы доложить тому о ходе расследования, сыщику стало остро не хватать нормального контакта. Хотя бы на уровне тех же «здрасте» – «до свидания». Да и обыкновенное «как дела» явно не повредило бы. Они поговорили бы о бывшей жене Толи, о его сынишке, которому уже шесть лет и который обожает смотреть гонки. Пусть даже это была бы формальная беседа, так, для затравки, но Толя пожаловался бы на жену, которая почти все алименты тратит только на себя, рассказал бы о наборе игрушечных машин, который недавно подарил сыну, и ему стало бы легче. Однако того, кого он сейчас ждал, Толина жизнь ни в малейшей мере не трогала, и он даже не делал вид, что она ему интересна. Поначалу Толя был не против такого чисто делового подхода, но в последнее время стал раздражаться. Получалось, что он живет только интересами клиента, тратит на него черт знает сколько времени, а тот даже не дает себе труда спросить, как обстоят дела у самого Толи. Сыщика воспринимают лишь как необходимое приложение к расследованию, и не более того.

Анатолий докурил сигарету, раздавил ее в пепельнице, мельком взглянул на часы. Без двух двенадцать. Хотя из-за шума шоссе Толя не слышал, как машина подъехала к дому, но он тем не менее был уверен, что дверь растворится минута в минуту и на пороге появится человек, которого он ждет. На всякий случай Владимиров еще раз просмотрел свои заметки, сложил листки, постучал нижним краем стопки о стол и убрал ее в папку. Разговор сегодня предстоял длинный и обстоятельный, и на всякий случай лучше все записи держать под рукой.

А-а-а-й-у-а!

Дверные петли, которые не смазывали с первого пришествия (и не собирались, судя по всему, торопиться с этим до второго), завизжали так, словно кого-то резали бензопилой. Толя невольно восхитился. Каждый раз приходит минута в минуту – это, знаете ли, уметь надо. Сыщик поднялся из-за стола.

– Добрый день!

Он и не пытался скрыть вызов, прозвеневший в простой фразе. Ну что, ответишь ты мне наконец такой же простой, ни к чему не обязывающей механической фразой или нет?

– А что, он и в самом деле добрый? – поинтересовался клиент, аккуратно прикрывая за собой дверь.

Дверные петли, побежденные, молчали. Толе, впрочем, захотелось что-нибудь сказать, но если бы он исполнил свое желание, пришлось бы искать другого клиента, а этого сыщик не хотел. Кризис, знаете ли, а на подарки Павлику деньги нужны. К тому же дело, за расследование которого платил гость, выдалось и впрямь любопытное. Не то что выслеживать по наводке ревнивого мужа любовника его жены и обнаружить, что это не любовник вовсе, а любовница. Толик аж поежился, вспомнив, какой скандал ему закатил тогдашний клиент, узнав правду. Как будто сыщик мог иметь к этому хоть какое-то отношение, ей-богу. Смотреть надо внимательнее, на ком женишься.

Клиент сел напротив, и Владимиров увидел устремленные на него внимательные глаза.

– Вы сказали мне по телефону, что в расследовании наметился определенный прогресс. – Как всегда, гость не стал тратить время на предисловия, а взял быка за рога.

– Ну да. – Толик в свою очередь опустился на стул и стал перебирать свои заметки, хотя и без них отлично помнил все обстоятельства. – Давайте с начала. Вы хотели подробнее узнать обстоятельства смерти Спиридоновой Евгении Мстиславовны, по мужу Адриановой, 1979 года рождения, погибшей в автокатастрофе 17 января прошлого года. Верно?

– Верно.

– Когда вы обратились ко мне, вы высказали гипотезу, что Евгения Адрианова не могла погибнуть так, как это произошло, что она прекрасно водила машину и так далее.

– Совершенно верно. Я много размышлял над обстоятельствами ее гибели и в конце концов решил, что ее убили, а автокатастрофу имитировали, чтобы замести следы. Но у меня не было никаких доказательств, и поэтому я пришел к вам.

Он говорил совершенно ровным голосом, лишенным эмоций, однако сыщик отлично видел, как нервно пульсирует жилка на виске. Толя вздохнул.

– И первое, что я вам сказал, – что действовать надо было сразу же, а теперь, когда прошло почти 9 месяцев, я вряд ли смогу вам помочь. Тем более что я лицо не официальное и не смогу добиться, к примеру, разрешения на эксгумацию. Хотя будь я даже официальным лицом, – Толя пожал плечами, – это было бы все равно трудно сделать. Потому что после гибели Адриановой велось следствие, которое пришло к выводу о несчастном случае, и только. Сама виновата, сама пострадала, все ясно, дело закрыто.

Гость вздохнул.

– А я вам сразу же ответил, что она не могла умереть так. Она очень дорожила этой машиной, это был, – клиент еле заметно поморщился, – подарок ее мужа. Чтобы она пробила ограждение и полетела вниз с обрыва, да к тому же в глухой местности, где за день проезжает всего десяток человек?! – Гость пожал плечами. – Простите, но в такую чушь я отказываюсь верить. И да, я настаиваю, что она отлично водила. Лучше многих, по крайней мере.

Толя потер пальцем висок. Он никак не мог определить, раздражала его упертость клиента или, напротив, восхищала.

...Потому что в конце концов тот оказался прав.

– Я предупредил вас, что расследование может оказаться долгим? – спросил Толя.

– Время не имеет значения. Я хочу точно знать: ее убили или нет?

– Ага, стало быть, вы все-таки сомневаетесь?

Гость пожал плечами.

– Есть крошечная вероятность того, что это мог быть несчастный случай, – нехотя буркнул он. – Потому что это произошло по дороге в каравеллу.

– Куда, простите?

– Каравелла – это дача, – пояснил клиент. – Евгения ее так называла. Почему – понятия не имею. Вообще-то, каравелла – это корабль, а дача эта ну никак на корабль не походит.

– Дача принадлежала Евгении? Или вам?

Клиент мрачно поглядел на Толю.

– Дача принадлежала и принадлежит, – зло отчеканил он, – Валентину Адрианову. Ее мужу, который был как минимум в два раза старше жены и тем не менее благополучно ее пережил.

– Я читал в материалах следствия, что Евгения, очевидно, ехала на дачу, – признался Толя, – но не знал подробностей. Про каравеллу и прочее. Потому что меня заинтересовал другой вопрос. Зачем человеку в разгар зимы на дачу? Ее муж сказал, что они бывали там только в летние месяцы.

– Вот именно, – усмехнулся клиент. – Точно так же подумал и я.

«Подумать-то ты подумал, – мысленно сказал Толя, – только вот отчего-то ждал много месяцев, прежде чем обратиться ко мне. Интересно бы знать, почему?»

– Можно, конечно, допустить, – сказал он вслух, – что она что-то забыла на даче и решила съездить забрать. Ну так, в порядке теории.

– Угу, – кивнул клиент. – Только вот ее муж не помнит, чтобы Евгения говорила ему, будто она что-то там забыла. Мадам Палей, с которой Евгения дружила, тоже показала на следствии, что особой забывчивостью Евгения не страдала.

– А мадам Палей можно верить?

Клиент поморщился.

– Она пишет детективные романы, – сказал он. – Но, в общем, да, наверное. Человек она достаточно наблюдательный, а с Евгенией они были знакомы много лет.

– Однако следствие к ее словам не прислушалось, – заметил сыщик. – И в результате мы имеем молодую женщину, которая поехала зимой на дачу неизвестно зачем и не вернулась. И хотя совершенно непонятно, зачем Евгения туда ехала... я уж не говорю о прочих настораживающих обстоятельствах, все равно практически сразу же был сделан вывод о несчастном случае.

– Потому что наша милиция ни черта не стоит. – Гость дернул ртом.

– Я и сам бывший мент, – с улыбкой напомнил Толя. – Скажу вам честно: кому как повезет. Люди, которые вели следствие, были в своем праве.

– В смысле?

– В смысле, что у них на руках был акт экспертов. Вскрытие тела и прочее. На основании акта и был вынесен окончательный вердикт: несчастный случай.

Он со смаком произнес вкусное слово «вердикт» и почти сразу же почувствовал, что ему неодолимо хочется курить.

– Я закурю, вы не против?

– Нет.

«А хоть бы и против, мне все равно», – решил про себя Толя. Он жадно затянулся.

– Когда я по вашей просьбе стал перепроверять обстоятельства, то был почти уверен: у меня ничего не выйдет. Акт есть, заключение есть, все честь по чести. В конце концов, Валентин Адрианов, муж покойной, был не последний человек, и если бы с его женой действительно было бы что-то не то, он бы этого так не оставил.

– Вы и в самом деле так думаете? – усмехнулся клиент.

Усмешка его, бог весть отчего, Толе совершенно не понравилась.

– По вашим словам, он очень ее любил. Нет?

– Все старики любят своих молодых жен. И забывают о них сразу же после похорон, – отрезал гость. – Вы видели Адрианова?

– Нет. – Толя загасил сигарету.

– Это человек, которого абсолютно ничего не интересует, кроме него самого и его книжек. Он и эта Виктория Палей – одного поля ягоды.

– В самом деле?

– Да. А вообще, я вам все уже рассказал. Они давно знакомы, старик писал детективы в советские времена, а под старость взялся опекать молодые таланты. Так и познакомился с Викторией, а через нее – со своей будущей женой. Никто не ожидал, что он женится на Евгении. Знаете, он был довольно известный писатель, а вокруг таких людей собирается, как бы это сказать...

Толя терпеливо ждал, когда его гость подберет точное слово. Но гость, очевидно, решил все-таки не стеснять себя.

– Мафия, или кружок, или ближнее окружение. Как вам угодно. Такая, знаете ли, мелкая шушера, которая сама ни на что не способна. И вот они занимаются тем, что выют вокруг старика хороводы, твердят ему, какой он гений, и потихоньку существуют за его счет. Короче, окружение старика было просто убито, когда он женился. Все по разным, конечно, причинам, но тем не менее...

– Когда вы говорите «окружение», то имеете в виду и Викторию Палей? – на всякий случай уточнил Толя.

Гость задумался.

– Нет, – сказал он наконец. – Палей – это кошка, которая гуляет сама по себе. Ни в какое окружение она не входит, но и к себе никого особо не подпускает. За исключением Кирилла, конечно.

– Кирилл – это ее друг?

– Да, они несколько лет живут вместе. То сходятся, то расходятся. Но к нашему делу это никакого отношения не имеет. – Гость вздохнул. – Я вам начал тут рассказывать про Адриана. Короче, когда Евгения погибла, он погоревал-погоревал да и тиснул книжку. Очень плохую, кстати сказать. Детектив, где есть смерть от несчастного случая, безутешный муж и все такое. Понимаете, о чем я? Писатели – они же ненормальные. Всякое переживание используют для того, чтобы пустить в дело, и Адрианов такой же. Написал свой шедевр и успокоился. Уверен, он и думать о Евгении забыл, а вот его окружение – вряд ли. Они терпеть ее не могли.

– Вы предполагаете, что кто-то из них мог ее убить?

– Я бы этого не исключал. В случае, если убийство действительно имело место. Именно это я и попросил вас выяснить. Так как? Ее убили или нет?

Толя глубоко вздохнул. Разговор приближался к решающему моменту. Последнее кольцо сигаретного дыма растаяло в воздухе. За окнами гремело шоссе. Выглянуло солнце, неласковое, зимнее, и помещение, которое Владимир снимал в качестве офиса, окончательно потускнело, скукожилось и обнажило свое нежилое, захламленное нутро. Гость терпеливо ждал.

– Да, – сказал наконец сыщик. – Убили.

Глава 2

Все начинается

Слово упало, как камень, и раскололо тишину. Толя взглянул на лицо сидящего напротив человека и поразился, до чего же оно изменилось. Теперь, в свете бьющего в невымытые окна солнца, оно вмиг сделалось серым, уставшим, почти старым. Хотя гость был вовсе не стар.

«А ты все-таки надеялся, что все было не так, – подумал Толя, зорко наблюдая за клиентом. – Что ты окажешься не прав, что это несчастный случай... дурацкий несчастный случай на зимней скользкой дороге. И ради этого не поленился заплатить мне столько денег, звонил, приходил, расспрашивал... А теперь...»

Но что именно теперь, он додумать не успел. Клиент шевельнулся в кресле, оно скрипнуло. Солнце ушло за облака, и комната провалилась в полумрак. Толя скосил глаза на пепельницу и увидел, что она полна окурков.

«Ей-богу, пора все-таки завязывать с курением. Рак и все такое».

– Вы же сами сказали, что существует официальное заключение, – напомнил гость. Голос его звучал глухо и безжизненно.

– Да, – подтвердил Владимиров, – по бумагам все – не придерешься. Но я, знаете ли, так устроен, что бумажкам не очень доверяю. Я стал искать людей, перепроверять, наводить справки. И нашел.

– Кого или что именно?

– Некую, – Толя все-таки посмотрел в листки, лежавшие перед ним на столе, – Лидию Бурмистрову, 1983 года рождения.

– Впервые слышу, – отрезал гость.

– А вы и не должны были, – спокойно сказал сыщик. – Она присутствовала, когда профессор Свечников делал вскрытие тела Евгении Адриановой. Ассистировала, так это называется, кажется. Она училась у Свечникова в Первом медицинском, и они хорошо друг друга знают. Кстати, Бурмистрова окончила курс с красным дипломом.

– К чему все эти подробности? – нетерпеливо спросил гость.

– К тому, что Лидию вряд ли можно назвать человеком, который не разбирается в своем деле. То есть она, конечно, молода, но...

– Можно ли ближе к делу?

– А я как раз к нему и веду. – Толя откинулся на спинку стула. – Одним словом, в ходе вскрытия Лидию Бурмистрову кое-что насторожило, и она обратила на это внимание профессора Свечникова. Однако в акт о вскрытии тела то, что она заметила, не попало. Когда Лидия спросила, почему так получилось, ей намекнули – в очень мягкой форме, разумеется, – чтобы она занималась своими делами и не лезла в чужие. Бурмистрова, надо вам сказать, не тот человек, который будет снова задавать вопросы, на которые ей не хотят отвечать. Она все поняла и не стала настаивать, но, так как она давно знает профессора и считает его первоклассным специалистом, такое поведение ее сильно удивило. Конечно, она знала, что профессор – друг семьи Адрианова, писатель сам попросил его осмотреть тело жены, но... но...

– Что именно заметила эта ваша Бурмистрова?

Спросил как отрезал. Деловой человек, и только. Подавай ему самую суть, и без всяких лирических отступлений.

– Я записал наш с ней разговор на диктофон. Если вас интересуют подробности, могу поставить запись. Я...

– Меня интересует суть.

Кто бы сомневался, в самом деле...

– Удар по голове, – объявил Толя.

– А конкретнее?

– После такой катастрофы тело обычно сильно изувечено, – тихо сказал Толя. – Но Бурмистрова говорит, что она совершенно уверена: женщину, которая сидела за рулем, ударили по голове, сзади, и, скорее всего, несколько раз. Я тут записал разные медицинские детали, но по сути: свидетельница настаивает, что получить такую травму, сидя в машине, просто невозможно.

Клиент отвел глаза:

– Ваши выводы?

– То, что сказала ассистентка профессора, меняет все. Получается, что смерть Евгении Адриановой произошла в результате ЧМТ. Черепно-мозговой травмы, – пояснил Толя, – которая произошла где-то в другом месте. После чего тело привезли на место якобы аварии, усадили за руль и имитировали дорожное происшествие.

– Значит, мы имеем дело с убийством?

– Получается, что да. И в свете этого поведение профессора Свечникова, уважаемого человека и друга семьи Адрианова, выглядит особенно интересным. По сути, он фальсифицировал данные вскрытия и утаил от следствия крайне важный факт. Который это самое следствие, – закончил Толя, – должен был направить по совершенно другому пути.

Солнце вновь выглянуло было из-за тучи, брызнуло в стекло, но поняло, что тут ему нечего делать, и сразу же спряталось. Гость молчал.

– Вот, собственно, и все, – сказал Толя.

– Нет, – внезапно проговорил клиент. – Все только начинается.

«Так я и знал, – усмехнулся про себя Толя. – Сейчас он попросит меня расследовать ее убийство. Он же умный человек, неужели не понимает, что в таких делах, где все шито-крыто, никто никогда не доберется до истины?»

– Вы хотите расследовать убийство? – напрямик спросил Толя.

– Я хочу найти того, кто это сделал.

Владимиров пожал плечами:

– Должен вам заметить: теоретически убить Евгению Адрианову мог кто угодно.

– Нет, – отрезал гость. – Ее нашли в машине, золотые кольца остались на руках, значит, это было не убийство с целью ограбления. Более того, убийца позаботился выдать смерть за несчастный случай. Если бы это был человек со стороны, он не стал бы так стараться. Это кто-то из своих.

– Мафии или окружения Адрианова, как вы их называете?

– Думаю, да.

Толя задумчиво почесал висок. Ему не хотелось этого говорить, клиент платил щедро, даже более чем, но сыщик все же обязан его предупредить.

– Я должен вам сказать, что в этом случае я вряд ли смогу вам помочь. Я имею в виду вот что: расследование убийства, да еще такого – крайне сложное дело. Нужно добиться экзгумации, нужно вызывать для дачи показаний свидетеля, то есть ассистентку. На нее наверняка начнут давить, в худшем случае даже попытаются убрать, потому что фактически это наш единственный свидетель... и тут нужна очень деликатная работа. Затем нужно прижать профессора Свечникова, который явно что-то знает, но темнит. Со всем этим лучше справятся официальные органы, а я... у меня просто нет полномочий. Я всего лишь частный сыщик, бывший мент, и никто не станет со мной разговаривать. Я и эту Бурмистрову нашел с большим трудом, и, если бы не ваши деньги, черта с два она стала бы со мной откровенничать.

Клиент усмехнулся:

– Не преувеличивайте, Анатолий Дмитриевич. Вы отлично справились со своей задачей. Раздобыли акт о вскрытии, материалы следствия и другие документы, – гость покосился на бумаги, лежавшие на столе, – к которым вас вообще не должны были подпускать. Уже одно это говорит о многом, знаете ли.

Толик побагровел.

– Нет, нет, я не хочу сказать ничего такого, – поспешил успокоить его гость. – Вы молодец, и за это я согласен заплатить вам сверх суммы, которую мы оговорили. – Он прищурился. – Использовали свои старые связи, да?

– Вроде того, – нехотя подтвердил сыщик.

– Можно спросить? За что вас выкинули из органов?

Толик отвернулся. Он не любил вспоминать тот случай, но ему было ни капли не стыдно за то, что тогда произошло.

Ну просто ни капельки, понимаете?

– Превышение полномочий, – сквозь зубы молвил он.

– А конкретнее?

– Да так, ничего особенного. Прижал одного подонка, а он взял и помер у меня на допросе. Сердечко слабовато. Когда убивал, – Толя скрипнул зубами, – с сердцем все в порядке было, а вот у меня в кабинете...

– Да? А я слышал, что вы его просто прикончили.

Толя мрачно поглядел на своего собеседника.

– Если бы я его просто прикончил, меня бы просто посадили, – с вызовом проговорил он. – Нет, я его не убивал. Хотя, наверное, стоило, – задумчиво прибавил он.

«А вообще интересно выходит, – смутно подумалось ему. – Ой-ой-ой как интересно. Значит, клиент навел про него справки, прежде чем к нему обращаться, и тот случай каким-то образом сыграл на его репутацию. Парадоксальным образом, надо сказать... потому что клиент просит взяться за расследование убийства не кого-нибудь, а человека, которого и самого обвиняли в убийстве. (Семья сердечника, например, обвиняла. Коллеги, конечно, прикрыли, но из органов все-таки пришлось в конце концов уйти.) Все равно. Мне совсем не жаль, что тогда все вышло именно так».

– Должен сказать, – внезапно проговорил гость, – что я отлично вас понимаю.

– В самом деле?

– Да. Если бы я добрался до того, кто убил Евгению... Я поступил бы точно так же.

«Да брось ты, – вяло подумал Толя. – Знаем мы вас, господ в дорогих костюмчиках и фирменных дубленках. Знаем, как вы не любите мараться. – Но тут увидел глаза своего собеседника, и у него пропала охота даже мысленно острить на этот счет. – Елки-палки... Так он что, не шутит? Ну и ну...»

– Так вы согласны продолжать расследование? – спросил клиент.

– Я не официальное лицо, – сердито повторил Толя. – Дело надо открывать заново, и тут я не смогу вам помочь. Надо делать эксгумацию, и тут я опять не смогу помочь. Надо опрашивать всех друзей и знакомых, а со дня убийства прошел почти год. Все будут путаться в показаниях, кое-кто врать, и все слова надо будет проверять и перепроверять. Одним словом...

Он заметил, что клиент не слушает его, и умолк.

– Эксгумация не нужна, – наконец тихо проговорил гость, глядя куда-то за окно. – Евгению похоронили, и пусть она покоится с миром. Я не хочу ее тревожить. Кроме того, мы и так знаем, что ее убили, и эксгумация ничего нового не даст.

– Вы так думаете? – спросил Толя. – А что, если ассистентка по каким-то причинам решила свести счеты с профессором и наврала мне с три короба? Что, если мы переоценили

ее профессионализм? Что, если ее выводы ни гроша не стоят? Если она истеричка, польстилась на деньги и сказала то, что я хотел услышать? Если она просто дура, наконец?

– Она произвела на вас такое впечатление? – прищурился клиент.

– Нет, но я видел ее всего несколько часов, понимаете? Кто знает, что на самом деле у нее внутри!

– А какое впечатление она на вас произвела?

Толик немного подумал.

– Неглупа, – с некоторым даже сожалением признался он. – Немного резковата, не пользуется косметикой, черное для нее черное, а белое – белое. Примерно так.

– Она вам объяснила, почему решила сказать правду о профессоре?

– Ну, она вообще не очень хотела со мной идти на контакт, – буркнул Толя. – Все у нее не было времени, она не разговаривает с незнакомыми людьми, я не официальное лицо, и прочее в том же духе. Но потом ее прорвало, да так, что она не могла остановиться. Помоему, ее особенно обидело то, что профессор Свечников назвал ее выводы смехотворными. Но вообще она заявила, что рада хоть кому-то сказать правду.

– Угу, – кивнул гость. – Правду говорить легко и приятно... особенно за деньги. – Он дернул углом рта. – Мне нужна запись вашего разговора, та часть, где она оперирует медицинскими терминами. У меня есть знакомые врачи, очень хорошие, и я проверю, не дурачила ли она нас. Хотя лично я думаю, что вряд ли.

– Хорошо, – сказал Толя. – Что-нибудь еще?

Клиент пристально посмотрел на него.

– Прежде чем я продолжу, я хотел бы знать, отказываетесь вы от дела или нет.

– Я не говорил, что отказываюсь, но мои полномочия...

– Чихать я хотел на полномочия. От меня вы уже получили карт-бланш, что еще надо? Если деньги, то это не проблема.

Толя вздохнул:

– Послушайте, как вы себе это представляете? Что я приду к подозреваемым с бумажкой частного сыщика, которая ничего ровным счетом не дает, и они будут мило со мной откровенничать? Да они просто пошлют меня... куда подальше. К тому же, по вашим словам, в смерти Евгении были заинтересованы не один человек, не два, а куда больше. И вообще, учитывая обстоятельства гибели...

– Нет, – очень тихо проговорил гость, – вы не придете к ним с бумажкой частного сыщика. Все будет совершенно иначе. Вы увидите их всех в непринужденной домашней обстановке, походите, понаблюдаете, сделаете свои выводы, а дальше мы решим, что делать. Как вы вообще расследовали убийства, когда работали в милиции?

– Да обыкновенно, – пожал плечами Толя. – Круг подозреваемых, их мотивы, установление алиби, проверка алиби – этот момент особенно важен. Улики, следы, отпечатки пальцев, показания свидетелей...

– Улик нет, свидетелей тоже. Да и на отпечатки пальцев рассчитывать не приходится... значит, будем плясать от круга подозреваемых и их алиби. Ограбление исключено, как я уже говорил, то есть это был кто-то из своих. – Клиент немного поколебался, но все-таки спросил: – Скажите, а какие убийства труднее всего расследовать?

Толя скривился.

– Такие, где вообще ничего нет, – с отвращением признался он. – Кроме трупа. Ни улики, ни свидетелей, ни мотивов. Из серии – шел человек мимо, стукнуло ему в голову, он лишился человека жизни. И еще серийные, чтоб им пропасть.

– Как же их раскрывают? – с любопытством спросил гость.

– Вы не поверите, – хмыкнул Толя, – свет не без добрых людей. Иногда анонимные звонки очень выручают... хотя проверять их – та еще мука. Я же вам говорю, с серийными убийствами работать очень тяжело.

– Нет, – покачал головой клиент, – к нам это не относится. Убийство, которое я прошу вас расследовать, – это обдуманное, хладнокровное преступление, которое совершил кто-то из тех, кого Евгения не боялась.

– С чего вы взяли?

– Если ее ударили сзади, значит, она стояла к нападавшему спиной. Все просто. Значит, не боялась.

Логично, подумал Толя. Вполне логично. По правде говоря, странный клиент нравился ему все больше и больше. Но сначала надо кое-что уточнить.

– Вы что-то говорили про домашнюю обстановку. Это как понимать?

– Просто, – ответил клиент. – Валентин Адрианов собирает в каравелле – ну, на той самой даче – гостей, чтобы зачитать новое завещание. Ему уже под семьдесят, и он не молодеет, а завещать ему есть что, так что все окружение должно присутствовать. Вот туда мы с вами и наведаемся.

Толя мрачно покосился на него:

– Допустим, я буду там, и что именно это нам даст? Ну, увижу я их лица, услышу неизбежные разговоры о деньгах, даче и московской квартире в центре города.

– Двести квадратных метров, – значительно напомнил гость. – Несколько миллионов долларов... и это лишь по предварительной оценке.

– Помню, – буркнул Толя. – По старому завещанию квартира должна была отойти второй жене, как раз Евгении... И это, по вашим словам, кое-кого очень сильно возмутило. – Он вздохнул. – Я не спорю, несколько миллионов – именно та сумма, за которую в любой стране убьют не задумываясь, но вряд ли убийца в частной беседе признается мне, что именно он сделал это. Я вам уже говорил, что нужно заново открывать дело и проводить оперативно-розыскные мероприятия, то есть официально вызывать свидетелей, чтобы не могли отвертеться, и допрашивать, допрашивать, допрашивать. Именно по поводу убийства Евгении, а не по поводу завещания или чего-то еще. Вы понимаете меня? Все разговоры, которые будут вестись на этой встрече, для нашего с вами дела... ну, я почти уверен – совершенно бесполезны.

– Есть один нюанс, – спокойно сказал клиент. – Встреча намечена на 17 января. Ровно год со дня смерти Евгении. Так что присутствующие будут неизбежно вспоминать ее, говорить о ней, о своем отношении к ней... А уж я постараюсь направить разговор в нужное вам русло, чтобы вы смогли получить максимум информации. О том, кто где был, кто что делал в тот день, когда ее убили... и так далее.

Толя задумался.

– Профессор Свечников тоже будет на встрече? – внезапно спросил он. – У меня ощущение, что начинать надо именно с него.

– Будет, – кивнул клиент. – Он давний друг Илоны, первой жены писателя. Которая, сами понимаете, терпеть не могла вторую. Кстати, – вкрадчиво добавил он, – я смогу в случае чего оживить беседу и бросить пару намеков насчет фальсификации акта о вскрытии. Любопытно будет посмотреть на реакцию присутствующих... особенно Илоны и ее дочери от Адрианова. Как ни крути, больше всего от смерти Евгении выигрывали именно они.

– Я это учел, – хмуро сказал Толя. – Что Илона или ее дочь Лиза могли убить Евгению, а профессор их прикрыл по старой дружбе. Так или иначе, начинать надо с профессора... по крайней мере, желательно.

– Ну, Свечников мог прикрывать не только их, но и зятя Илоны, – бросил гость. – Или они все вообще могли сговориться. Или Свечникову заплатили, чтобы он не стал сообщать о своем открытии. Вариантов масса, сами понимаете... Так мы с вами договорились?

– Считайте, что да, – весело ответил Толя.

Гость поднялся с места, вытащил конверт и протянул его сыщику.

– Аванс, – лаконично сказал клиент. – И на расходы. Потом рассчитаемся.

– У меня вопрос. – Толя поднял палец. – В качестве кого я буду присутствовать на вечере?

– Ближе к делу решим, – ответил его собеседник. – Я вам еще позвоню.

Он двинулся к двери. Толя покосился на конверт – и все-таки не утерпел. Владимирова просто обязан был задать этот вопрос.

– Можно узнать? Почему вы были так убеждены, что Евгению Адрианову убили?

Клиент, уже взявшийся за ручку двери, обернулся.

– Простите?

– Когда вы пришли ко мне первый раз, – терпеливо пояснил Толя, – у меня создалось впечатление, что вы совершенно уверены в том, что ее смерть не была случайной. А между тем после ее гибели прошло уже много времени. За это время вы узнали что-то новое? Если не хотите отвечать, не отвечайте, – поспешно добавил он.

Несколько мгновений клиент раздумывал, но потом, очевидно, решил. Он сунул руку в карман и достал оттуда мятый листок бумаги.

– Когда я узнал, что она погибла... – Он поморщился. – Я не знал, что и думать. Когда мне сказали, что существовало завещание, по которому квартира отходила Евгении, у меня появились первые подозрения. Понимаете, – устало пояснил клиент, – очень трудно подозревать людей, которых ты знаешь лично, и не один год. Это только в детективных романах, стоит произойти убийству, как все сразу же начинают подозревать друг друга... Но окончательно я решил, когда мне пришло вот это. Потому что... потому что получается, не я один предполагал, что ее убили. Кто-то еще подозревал или даже знал наверняка. Только вот меня он обвинил совершенно зря.

Он подошел к столу и положил на него бумажку, которую держал в руках. Мгновение Толя смотрел на гостя, а потом взял листок и развернул его.

Поперек шла черная строка, отпечатанная на принтере:

ЭТО ТЫ УБИЛ ЕВГЕНИЮ

Глава 3

Он и она

– Я не поеду.

– Кирилл!

– Я сказал тебе: не поеду, и все. И тебе не советую.

Виктория Палей, чье внимание было поглощено рассматриванием платьев в шкафу, обернулась.

– Это еще почему?

– Потому, – упрямо ответил ее любовник. – На кой они вообще тебе дались?

– Валентин Степанович всегда хорошо ко мне относился, – сказала Виктория.

– Ну да, потому что не мог тебя сожрать, – съязвил Кирилл. Как и все бизнесмены, он порой бывал до отвращения прямолинеен.

– Ки-ри-илл!

– Что – Кирилл? Знаю я ваши писательские нравы. Все друг другу завидуют и все друг друга ненавидят. Что, твой Адрианов не такой?

– Нет, – твердо ответила Виктория, – не такой. В свое время он очень мне помог.

– И что? Ты теперь обязана по гроб жизни быть ему благодарной? Прибегать, едва он тебя позовет?

– Ты бы лучше помог мне выбрать наряд, – терпеливо сказала Виктория. Она извлекла из шкафа несколько вешалок. – Бирюзовое или нежно-зеленое?

– Я тебя больше всего люблю без всяких нарядов, – проворчал Кирилл. – Вообще.

Он услышал, как она смеется, и сделал вид, что обиделся. Однако через мгновение не выдержал и рассмеялся сам.

– Нет, ну правда, зачем тебе нужен этот старик? Наталья же проговорила по телефону, что пойдет разговор по поводу завещания. Или он собирается завещать тебе свое имущество? А?

– Надеюсь, – объявила Виктория. – И я стану богатой невестой, выйду замуж за твоего шефа, и будешь ты у меня на посылках. Как золотая рыбка.

Кирилл фыркнул:

– Мой шеф женат, ты не забыла? На победительнице какого-то там конкурса. Мисс Россия или что-то в этом роде.

– Сегодня женат, завтра разведется.

– Виктория!

– Я всерьез думаю насчет бирюзового, – сказала писательница, приложив к себе платье и глядя в зеркало. – К нему бы сумочку и красивого мужчину с лазоревыми глазами, и будет самое оно.

Кирилл застонал и сделал несколько кругов по комнате. Он отлично знал, что Виктория шутит, но всякий раз у него екало сердце, когда она говорила так.

Кроме того, у него самого глаза были карие.

– И все-таки я не понимаю, зачем тебе нужно туда ехать, – проворчал он. – Только вечер портить. – Он подошел ближе и заглянул ей в глаза. – Мы бы с тобой посидели, поболтали, съездили бы куда-нибудь вместе... А?

– Понимаешь, – объяснила Виктория, натягивая платье через голову, – дело вовсе не в завещании. Вообще-то, это вечер памяти Жени, если можно так сказать.

– В смысле?

– Она же погибла ровно год назад. Ты что, забыл?

Кирилл нахохлился:

– Ясно. И вместо того чтобы остаться со мной, ты срываешься с места и мчишься на другой конец области, чтобы выразить свои соболезнования! Зачем, Виктория? Ты можешь мне объяснить? Ей-то уже все равно!

– Кирилл, – тихо сказала Виктория, – это нехорошо.

– Что нехорошо?

– То, что ты говоришь. Она же все-таки моя подруга. А Валентин Степанович немало для меня сделал.

– Я и не спорю, – буркнул Кирилл. Он знал Викторию и понимал, что спорить с нею, когда она что-то решила, бесполезно; и все-таки его чисто по-мужски задевало, что он ни разу, никогда не мог ее переубедить. – Может, Адрианов и хороший человек, но его семейка...

Виктория укоризненно покосилась на него и стала застегивать «молнию» на платье. Кирилл подошел к ней и стал помогать, но не удержался и поцеловал в плечо, а потом обнял.

– Ты же можешь заболеть, – умоляюще напомнил он, заглядывая ей в глаза. – Ну там мигрень замучила, книгу дописывать надо, мало ли что...

Виктория, не удержавшись, фыркнула:

– Только не сегодня. Пусти, мне надо еще расписание электричек посмотреть.

– Каких еще электричек?

– Если ты меня не отвезешь, я поеду на электричке.

– Ты что, с ума сошла? – вскинулся Кирилл. – Какая к черту электричка, там от станции топать еще километров десять! Я тебя отвезу.

– И останешься там? Валентин Степанович ведь и тебя пригласил.

– Ладно, – сдался Кирилл. – Не могу же я оставить тебя на съедение его прихвостням! А то они еще решат, что ты и впрямь претендуешь на наследство.

– И подсыпят мне в бокал цианистого калия, – хмыкнула Виктория. – Как в каком-нибудь романе несравненной миссис Кристи.

– Нет, тебя точно нельзя оставлять одну, – сокрушенно покачал головой Кирилл. И оба, не выдержав, снова рассмеялись.

...Снаружи сыпал мягкий, крупный, сказочный снег, и одна снежинка повисла на реснице Виктории и никак не хотела таять. И Кирилл поглядывал на свою очаровательную спутницу в пушистой светлой шубке и чувствовал, как сердце в груди тает.

Это ощущение – ослепительного, незамутненного счастья, которое вот здесь, прямо рядом, только руку протяни, и коснешься, – он испытывал только с двумя женщинами в своей жизни. Одна из них осталась далеко-далеко, в юности; и она, и юность, и счастье кончились, оборвались, рассеялись в тот самый миг, когда девушка его мечты, капризно надув губы, сказала:

– Слушай, Кирюш... Ты мне нравишься, но пойми же... Я не могу выйти замуж за нищего!

(Это было в девяностые годы, а Кирилл происходил из семьи, небогатой даже по советским меркам, когда все были примерно равны. О, это было очень приблизительное равенство, но тем не менее...)

Ему казалось, что он хорошо усвоил урок; надо стать богатым, чтобы быть независимым и больше никогда не слышать от женщин обидных слов. И Кирилл стал работать. Он работал много, упорно и не без успеха, но успех привлек к нему совсем другой сорт женщин – тех, которых интересовал только его счет в банке и которым сам он был по большому счету безразличен.

В конце концов, как это всегда и бывает, он смирился – и со своей обеспеченностью, которая дала ему вовсе не то, о чем он мечтал, и с женщинами вокруг, которые говорили одно, думали другое, делали третье и лгали, лгали, лгали без конца. Пару раз он даже чуть было не женился – на тех, которые были чуть менее лживы и чуть более красивы, чем остальные; но его было не так-то легко поймать. К тому же он был наблюдателен и успел сделать выводы из скандальных разводов, в которые с незавидной периодичностью выливались браки людей его круга. А за разводами неизбежно следовал дележ имущества, склоки, сведение счетов, безобразные сцены на глазах общих детей, и это не считая по-настоящему тяжелых случаев. Ведь бывало, бывало в их кругу, что экс-жена просыпалась наутро в частной клинике для умалишенных, откуда ее не выпускали, прежде чем она не подписывала бумаги, по которым отказывалась от детей и претензий на имущество; бывало и еще хуже, когда экс-мужа (которому только пару лет назад прилюдно клялись в любви до гроба) находили в лесочке со связанными руками и пулей в затылке. А безутешная вдова, в одночасье ставшая законной наследницей, уезжала на постоянное жительство на далекие острова, где пляжи с белым песком и солнце светит круглый год.

И вот, когда он, казалось бы, все узнал, все для себя решил и выбрал наилучшую линию поведения – никаких серьезных отношений, никаких намеков на марш Мендельсона, всегда и везде держать дистанцию и никого не впускать себе в душу, – в его жизни появилась Виктория Палей, не сердцеедка, не охотница за богачами, и даже не сказать чтобы красавица. Он поглядел в ее насмешливые глаза, в которых не было ну совершенно никакого уважения к его положению, связям, банковскому счету, всему тому, что он лелеял всю свою жизнь, – поглядел и пропал.

Потом он не раз задумывался, что бы изменилось в его жизни, встретить он ее раньше, когда еще не был таким очерстневшим циником; потому что поначалу их отношения складывались тяжело, а вернее сказать, не складывались совсем. Виктория находила его спесивым, самовлюбленным, невыносимым болваном, который не читает книг (в глазах писателя, сами понимаете, это весьма существенный недостаток, похлеще любого смертного греха). Кирилл раздражали ее непохожесть на других, ее занятие – сочинение детективов, которое казалось ему если не странным, то, во всяком случае, несерьезным. К тому же его злило, что она не принимает всерьез его жизненные достижения, которыми он так гордился (и которые так ценили остальные женщины). Он находил чертовски подозрительным, что Виктория не просит у него денег, не требует подарков, не говорит о виллах и бриллиантах. В конце концов решил: она притворяется, чтобы в один прекрасный момент забрать у него все. И дал себе слово не допустить этого.

Оказалось, нелегко привыкнуть к мысли, что на самом деле Виктории от него ничего не нужно; она ведь тоже подошла к их общению со своими собственными предубеждениями, которые он оказался бессилён побороть. И она была решительно настроена не принимать его всерьез. Но прямолинейный, жесткий, грубоватый с виду Кирилл оказался способен на невероятную гибкость и изворотливость там, где дело касалось ее. Он терпел насмешки (потому что чувство юмора, к тому же отточенное занятиями литературой, порой все же заводило ее слишком далеко), шел на такие компромиссы, на которые раньше вообще не считал бы себя способным. Порой, конечно, срывался, и тогда они ссорились и расходились. Но им становилось скучно друг без друга, хотя каждому нравилось изображать из себя эдакого гордого одиночку, который никем и ничем не дорожит. Во всяком случае, друг без друга они долго обойтись не могли. Проходило время, опять созванивались, начинали встречаться и жить вместе. И теперь, когда их последняя размолвка осталась далеко позади, Кирилл особенно тщательно следил, чтобы не сболтнуть или не сделать чего-нибудь лишнего и не оттолкнуть от себя Викторию. Он боялся, что очередной раз окажется последним, что она найдет себе кого-нибудь еще, неизвестный вытеснит его из ее сердца, и тогда ему окончательно придется

вернуться в свою прежнюю жизнь, к недалеким золотоискательницам с пустыми глазами и пустыми сердцами. От этой мысли у него становилось горько во рту.

Он смотрел в зеркало, как она пристегивает ремень и поправляет волосы под пушистой шапочкой. Виктория поймала его взгляд и улыбнулась.

– Во сколько возвращаемся? – спросил он, стараясь говорить как можно безразличнее.

Виктория немного подумала:

– Валентин Степанович просил приехать часам к пяти. Наверное, в восемь все кончится, и тогда поедем обратно в Москву.

– А, ну тогда ладно, – сразу же успокоился Кирилл.

В конце концов, не стоило затевать сыр-бор из-за того, что она хочет провести несколько часов в обществе старого знакомого. Так Кирилл, по крайней мере, думал.

И когда он потом спрашивал себя, не было ли у него предчувствия относительно того, каким окажется финал этого вечера, ему пришлось признать, что он не испытывал даже тени тревоги, вырuling на заснеженное подмосковное шоссе.

Глава 4

Гости собираются

– Вика! Дорогая!

Облако духов, толстый слой пудры, тщательно завитые седые волосы, гремучие многоярусные бусы, аура, полная тонкого яда. Позвольте представить: Илона Альбертовна, первая законная супруга знаменитого писателя Валентина Адрианова.

– Какое милое платьице! – сюсюкает очаровательная старушка. И тут же: – Кажется, я уже видела его на тебе год назад, не правда ли?

В переводе с женского языка это должно значить: ну что, дорогая, туше¹!

– В прошлом году, – с улыбкой напоминает Виктория, – мы с вами не встречались. – Платье было совсем новое, Кирилл недавно привез его из Италии.

– Ах, ну да, конечно же! Я не приезжала на похороны. Ты же знаешь, у меня слабое сердце. Антон Савельевич говорит, мне нельзя волноваться.

Стоящий в нескольких шагах от них здоровяк кивает головой. С виду вы приняли бы Антона Савельевича Свечникова, доктора, профессора, светило науки и вообще уважаемого человека, за какого-нибудь шофера или охранника, а на самом деле он является ровно тем, кем является. С хозяином дома знаком очень давно, с его первой женой – еще дольше. Злые языки утверждали, что между Свечниковым и Илоной были когда-то романтические отношения, и если бы Свечников не был женат, Илона носила бы сейчас совсем другую фамилию. В молодости она пользовалась большим успехом, ее руки добивались многие, но в конце концов она выбрала малоизвестного тогда писателя Адрианова и, похоже, не прогадала. Вид у нее, во всяком случае, неизменно победный, словно она добила в жизни всего, о чем мечтала.

– Викуся, а это ваш муж? Представьте же нас! – И старая дама кокетливо поправила завитую прядь.

– Мы не женаты, – тактично ответила Виктория. – Кирилл, это Илона Альбертовна. Мне кажется...

– Кажется, нас уже знакомили, – сухо сказал Кирилл. – Довольно давно, но тем не менее.

Илона протянула ему руку для поцелуя, но Кирилл сделал вид, что ничего не заметил. С некоторым разочарованием старушка опустила руку, но тотчас же сообразила, где сумеет взять реванш.

– А почему вы не женаты? Я, конечно, понимаю, современные нравы и всякое такое, но когда любишь, какие могут быть сомнения? Валентин, к примеру, сделал мне предложение в первый же день знакомства.

И она посмотрела на Викторию с тем особым, чисто бабским превосходством, которое в нашей стране всегда ощущает замужняя женщина (пусть и разведенная) над незамужней.

Виктория почувствовала, что Кирилл (который не любил старух и плохо выносил, когда при нем пытались самоутвердиться за счет его женщины) вот-вот скажет какую-нибудь грубость, и предостерегающе сжала его локоть.

– А где Валентин Степанович? – спросила она.

Но уже увидела, как хозяин дома спускается по лестнице. И хотя он улыбался и выглядел оживленным, в сознании невольно мелькнуло: «Да, сдал...»

¹ Фехтовальный термин, обозначающий укол.

Он отяжелел, погрузнел, и от Виктории не укрылось, как осторожно старый писатель переставляет ноги, как старается незаметно придерживаться за перила лестницы. От Натальи, домработницы Адрианова, Виктория знала, что незадолго до гибели второй жены писатель перенес инфаркт, который едва не стоил ему жизни. Но, несмотря ни на что, даже в свои неполные семьдесят Валентин Степанович смотрелся видным мужчиной. Широкие брови вразлет, орлиный профиль, копна белоснежных волос, отведенных назад со лба, падает на плечи. Князь да и только. Если вообще не король.

– А, Виктория! Все-таки приехали, не забыли старика!

Он взял ее за обе руки, всмотрелся в лицо, и она снова почувствовала себя студенткой – молодой наивной студенткой, которая в девяносто лохматом году пришла просить у знаменитого писателя совета, заниматься ей литературой или нет. Адрианов тогда на одну лекцию подменял заболевшего профессора, на их факультете он вообще не преподавал, и после лекции Виктория, набравшись храбрости, подошла к нему. (У нее в голове не укладывалось, что вот этот человек, чьи книги она читала, а кое-какие пассажи даже знала наизусть, стоит за столом и собирает свои заметки в старый портфель, не обращая на нее внимания, и она имеет наглость так бесцеремонно его беспокоить.)

– Вам нужен зачет? – внезапно спросил Адрианов, по-прежнему не глядя на нее.

– Что? – растерялась Виктория.

– Вам поставить зачет?

Он захлопнул портфель и все-таки поднял голову.

– Нет, нет, – пробормотала Виктория. – Я... – Она собралась с духом и выпалила: – Я хочу стать писателем.

Даже сейчас, когда она вспоминала об этой сцене, ее лицо смягчилось, губы тронула улыбка. И толстокожий Кирилл (который был тем не менее крайне чуток ко всему, что касалось Виктории) мгновенно догадался, о чем она вспоминает, и сердито отвернулся.

Он отлично знал, что у него нет никаких оснований ревновать Викторию к писателю, что они просто друзья – даже не учитель и ученица, а именно друзья; но его злило, что этот старик присутствовал в ее жизни уже тогда, когда его, Кирилла, и в помине не было. Он ревновал к прошлому, а это куда хуже и мучительнее.

– Я очень рад вас видеть, Виктория, – проговорил Валентин Степанович серьезно.

– Я тоже, – ответила Виктория, и это было чистой правдой. Писатель уже отпустил ее руки.

– Да, – сказал Адрианов как бы про себя и поглядел за окно. – Однако, метель!

Профессор Свечников хмыкнул.

– Какие-то странные прогнозы передавали по телевизору, – заметил он. – То потепление обещают, то мокрый снег, а то и вовсе рекордное количество осадков.

– Ах, и не говорите! – кокетливо вскричала Илона Альбертовна. – Последнее время что ни Новый год, так обязательно дождь!

В дверь позвонили, и в холле из кухни показалась домработница Наталья. На ней был фартук, испачканный мукой, и она на ходу вытирала руки.

– Иду, иду! – крикнула она, когда звонок нетерпеливо повторился.

И тут Виктория почувствовала на себе чей-то взгляд. Она его словно кожей ощутила. Повернув голову, увидела на верху лестницы, которая вела на второй этаж, молодого человека, светловолосого и ладно скроенного, который с любопытством рассматривал группу людей внизу. Точнее, не с любопытством, а сосредоточенно и будто изучающе, словно пытался уяснить, что они собой представляют.

«Это еще кто?» – неприязненно подумал Кирилл. Ему незнакомец не понравился сразу же и бесповоротно.

Помедлив, тот стал спускаться по ступеням, и тут Виктория отчетливо увидела у него на виске косою шрам, как от старого пулевого ранения. Илона Альбертовна кисло улыбнулась.

– Это Олег Петрович, мой новый секретарь, – представил его писатель. – Раньше моими бумагами занималась Женя, но теперь...

Облачко набежало на его лицо, он умолк.

– Может быть, пройдем в гостиную? – деликатно предложил Свечников, чтобы сменить тему разговора.

Наталья меж тем уже впустила новых гостей. Миловидная девушка с длинными, вполщеки, ресницами отряхивала с воротника снег, а возле нее стоял человек, которого Кирилл не то чтобы не жаловал, а вообще терпеть не мог. Максим, он же Макс Доронин, богач, плейбой и красавец, он пару раз уводил у Кирилла его подружек. Это бы Кирилл еще стерпел, но однажды он застал Макса мило беседующим с Викторией, а это уже было куда серьезнее.

Вслед за гостями в холл протиснулся коренастый малый с добродушной широкой физиономией, которого Кирилл не знал.

– Максим Петрович, куда машину ставить? Она слишком большая, в гараж не заедет.

– Ну поставь куда-нибудь, – с раздражением бросил Доронин.

Шофер повернулся к выходу, но перехватил изучающий взгляд секретаря, который по-прежнему не проронил ни слова, и, как показалось Виктории, смутился. Бочком протиснувшись в дверь, покинул дом, Наталья вернулась на кухню.

– Максим Доронин, – на всякий случай представил вновь прибывших Валентин Степанович. – А барышня... э...

– Ира Короленько, очень приятно, – скороговоркой проговорила барышня и порозовела.

Это был экземпляр из породы «девушек» – длинноногих, ухоженных и красивых, которые обязательно должны находиться рядом с таким мужчиной, как Доронин. Само собой, ее имя забыли сразу же после того, как оно прозвучало. Разговаривая о погоде, мировом кризисе и последних сплетнях, гости двинулись в гостиную, расположенную в боковом крыле дома. Там Кирилл сразу же завладел графином с прозрачной жидкостью, который стоял на круглом одноногом столике, но, к разочарованию бизнесмена, в нем оказалась всего лишь вода. Однако тут он завидел в гостиной новое лицо, которого не было в холле, и в легком ошеломлении остановился.

– Лев Подгорный, – объявил хозяин дома. – Думаю, все вы его знаете... кроме спутника Виктории, наверное.

Однако спутник Виктории отлично помнил поименованного прохвоста. Лев Подгорный принадлежал, как и Виктория Палей, к тем немногим молодым дарованиям, которым в смутные и мутные девяностые маститый писатель Адрианов помогал, чем мог. Пользуясь выражением XVIII века, можно сказать, что Валентин Степанович им покровительствовал, но если Виктория вполне оправдала его надежды и сделалась писателем, то Лев Подгорный стал критиком, да еще каким! Ядовитым, желчным, разящим. Он принадлежал к тем устрашающе высокодуховным интеллигентам, которые не признают ни детектива, ни фантастики, ни любовного романа, и высмеивал их, а также их авторов, где только мог. Две недавние статьи Подгорного посвящались как раз последнему роману Адрианова, который зубастый критик разнес в пух и прах, и крушению современного детектива, причем тут Подгорный по старой памяти проехался и по Виктории, приведя ее как пример небесталанного, но, увы, безнадежно деградировавшего автора. С широкой улыбкой Кирилл подошел к критику, который надменно (так ему казалось) посмотрел на него и поправил очки.

– Ух ты! Так критик Козьма Буквоедов – это вы?

– Так точно, милейший, – самодовольно признал Подгорный. В следующее мгновение безымянная девушка Макса-плейбоя взвизгнула, а Илона Альбертовна широко распахнула

глаза: все оттого, что Кирилл с размаху звезданул критика кулаком в челюсть. Подгорный был широк в плечах и в росте ничуть не уступал Кириллу, но неожиданность нападения сделала свое дело. Он отлетел на метр, потеряв очки, а мужчины бросились оттащить разъяренного бизнесмена, который явно был не прочь размазать своего противника по ковру тонким слоем. Объединенными усилиями Макс и профессор отодрали Кирилла от жертвы, а секретарь как-то очень ловко ввинтился между ним и критиком, чтобы оградить персону Буквоедова-Подгорного от дальнейших покушений. Кирилл попытался было вырваться, но его держали крепко.

– Валентин! – плачущим голосом воззвала к мужу Илона Альбертовна. – Что же это такое?

– Ничего страшного, дорогая, – успокоил ее писатель, который был смущен не менее бывшей жены. – Небольшая... э... размолвка.

Виктория подошла к Кириллу вплотную и посмотрела ему прямо в глаза. Только вот ее спутнику все было нипочем: он дождался, дал-таки в пятак сукину сыну, из-за статейки которого Виктория плакала (тайком; она думала, что Кирилл ничего не видел, но, как уже говорилось выше, когда дело касалось Виктории, он видел все). Душа Кирилла пела, он воспрянул духом и решил, что сегодняшний вечер определенно прожит не зря.

– Он ненормальный! – простонал растерянный критик. Сидя на полу, он ощупывал лицо.

– Да оставьте же меня! – прошипел Кирилл на Макса и профессора, которые по-прежнему держали его. – Ладно, не буду я его трогать, пока хватит!

– Что происходит? – С этими словами в комнату вошла сутулая молодая женщина с невыразительным лицом и длинным носом. Это была Лиза, дочь Адрианова, единственный его ребенок, родившийся к тому же достаточно поздно. Как это нередко случается с детьми знаменитостей, природа сполна отыгралась на ней за те дары, которые выделила в свое время родителям. У Лизы не было ни ядовитого шарма матери, ни импозантности отца, не говоря уже о его литературном таланте. Однако от нее с детства ждали каких-то особенных свершений, и чем более явно выражалось это ожидание, тем больше Лиза замыкалась в себе. В конце концов, разумеется, все смирились с тем, что она обычный человек, просто хорошая женщина, хорошая жена и хорошая мать двоих детей, – но, прежде чем это произошло, Лизе пришлось изрядно натерпеться. До сих пор у нее был замкнутый, настороженный вид человека, вынужденного держать круговую оборону, и требовалось нешуточное усилие, чтобы заставить улыбнуться это хмурое, некрасивое лицо.

– Друг Виктории побил Льва, – трагическим шепотом сообщила ей мать.

– Какой же он лев, если его побили? – весело спросил блондин, вошедший вслед за Лизой. Это был ее муж, Филипп Ермолов. Подвижный, обаятельный и приветливый, он составлял занятный контраст со своей супругой. – Привет, Макс! Ну вот, мы опять пропустили все самое интересное.

– Это должно быть смешно? – сухо спросила Илона Альбертовна.

Критик осторожно сел в кресло, пригладил волнистые темные волосы и стал протирать очки, подобранные с пола. Профессор Свечников, оставив Кирилла на Макса и секретаря Олега Петровича, подошел к Подгорному и стал осматривать место, куда пришелся удар.

– Ради бога, простите, Валентин Степанович, – пробормотала растерянная Виктория.

– Ничего, ничего, – успокоил ее хозяин дома и улыбнулся. – Я и не подозревал, что ваш друг так чувствителен к критике в ваш адрес!

– Да уж! – хмыкнул Макс, покосившись на Викторию.

Подгорный громко объявил, что не в его привычках находиться там, где ему не рады, и что он собирается незамедлительно вернуться в Москву. Однако Адрианов стал уговаривать его остаться. В конце концов, Лев ведь хорошо знал его покойную жену, и они собрались

здесь вовсе не для того, чтобы ссориться. Лично он будет очень огорчен, если Подгорный уйдет. А потом, Наталья так старалась, приготовила его любимое мороженое. Услышав про мороженое, критик малость смягчился.

– Хорошо, – сказал он наконец, – я остаюсь, но исключительно из уважения к вам, Валентин Степанович. Только пусть этот господин, – он подбородком указал на Кирилла, – держится от меня подальше!

– А может быть... – несмело начала Илона Альбертовна. Она хотела предложить, чтобы буян и бузотер Кирилл удалился, но секретарь Адрианова опередил ее.

– Не волнуйтесь. Я сяду между ними и прослежу, чтобы все было хорошо.

Мягкий, очень спокойный голос. Даже не спокойный, а успокаивающий, вселявший надежду, что все будет именно так, как должно быть. Невольно Виктория поглядела на Олега Петровича внимательнее.

– В самом деле? – с сомнением проговорила Илона.

– А еще мы посадим между ними Кавериных, – вмешалась Лиза. – Они еще не приехали?

– Надя звонила, передавала, что они задержались в дороге и будут позже. – Илона Альбертовна беспомощно пожала плечами. – Сколько хлопот, сколько хлопот, – она понизила голос, – и из-за кого!

Олег Петрович отошел. Филипп зевнул и прикрыл рот рукой.

– В любом случае, – сказал он скучающе, – все это скоро кончится. – Он обернулся к жене. – Ты сказала Наталье, чтобы она подавала на стол?

– Да, конечно.

– Неужели этот новый секретарь тоже с нами сядет? – с тревогой спросила Илона Альбертовна, до которой наконец дошел подтекст фразы Олега Петровича. С ее точки зрения, секретарь был чем-то вроде прислуги, и она сомневалась, что его присутствие за столом целесообразно. Было бы куда лучше, если бы он остался на кухне вместе с Натальей, дочерью домработницы Машей, которая помогала ей по хозяйству, и шофером Доронина.

– Конечно, сядет, – сердито сказала Лиза. Неуместный снобизм матери коробил ее, тем более что секретарь стоял всего в паре шагов от них и мог все слышать. – Так распорядился отец.

– Будем надеяться, он знает, что делает, – с сомнением ответила мать.

Глава 5

Подслушанный разговор

Дверь хлопнула, впустив холодный воздух. Вместе с воздухом в кухню ворвалась невысокая девушка без шапки, в куцей курточке, которая даже с натяжкой не могла сойти за зимнюю, обтягивающих джинсах и ботинках армейского типа. Наталья Долгополова, подняв голову, укоризненно посмотрела на дочь.

– Шестой час уже, а еда не готова, потому что я одна со всем не справляюсь, – проворчала домработница, перемешивая салат. – И где тебя только черти носят, Маша?

– Что, баре без меня не обойдутся? – насмешливо парировала девушка. Вблизи было видно, что у нее курносый нос, мелкие, но довольно приятные черты лица и дерзкие светлые глаза. Оба уха были проколоты по три-четыре раза, ноздрю и губу украшал пирсинг. Она потеряла покрасневшие от мороза руки и стала стаскивать куртку.

– Ты бы хоть варезки с собой носила, горе ты мое, – буркнула Наталья, заправляя салат оливковым маслом.

Не отвечая, Маша подошла к двери, которая вела во внутренние помещения.

– Я с дороги видела – чуть ли не все окна в доме горят. Что, много народу понаехало?

– Да все свои, – отозвалась мать. – Валентин Степанович, Илона Альбертовна, дочка, зять и друзья покойницы. Те, которые были на ее похоронах.

– Можно? – С этими словами со двора в кухню вошел шофер Доронина. – Эка у вас тут душевно-то! Тепло!

Маша мрачно посмотрела на него.

– Ты еще кто такой? – неприязненно спросила она.

– Шофер, – ответил вновь прибывший и непонятно отчего хохотнул.

– Ну и катись отсюда, шоферюга, – еще неприязненнее проговорила Маша, и ее глаза сверкнули.

– Ишь ты, какая умная, – задумчиво протянул шофер. – Шла бы сама, а?

Маша смерила его взглядом, но поняла, что взглядом собеседника с места не сдвинешь – слишком уж уверенно он стоял на ногах. Поэтому она ограничилась тем, что подошла к столу и, смачно харкнув, плюнула в салат, который готовила ее мать.

– Машка! – рявкнула Наталья, хватаясь за полотенце. – Ах ты дрянь!

– Баре! – презрительно процедила Маша. – Ничего, слопают!

И удалилась, хлопнув дверью. Наталья беспомощно поглядела на шофера, ставшего свидетелем безобразной выходки, и, тяжело вздохнув, выбросила почти готовую еду в мусорное ведро.

– Что, некому по шее наkostenять? – понимающе спросил шофер. – Переходный типа возраст, да?

– И не говорите! – воскликнула Наталья. – Что с девкой творится, ума не приложу! Ведь такой хороший ребенок был!

– А где ее отец? – поинтересовался шофер, усаживаясь за стол.

– Там же, где и другие отцы, – туманно ответила домработница. – Ты есть хочешь? У меня толком и не готово ничего.

– А давайте я вам помогу, – предложил шофер. – Морковку нарезать хотя бы. Или яблоки.

– А справишься? – с сомнением спросила Наталья. С ее точки зрения, готовка была священнодействием, которое ни в коем случае нельзя доверять посторонним лицам. Даже если речь шла лишь о том, чтобы нарезать морковку.

– Да я один живу, сам себя кормлю, – пожал плечами шофер. – Давай сюда доску. В противоположном крыле дома тем временем шел совершенно иной разговор.

– Представляете, я недавно чуть ногу не сломала. Иду по улице, и вдруг мне навстречу черный кот! И нагло так переходит тротуар перед моим носом!

– Да что вы говорите, Илона Альбертовна!

– Ну я, конечно, сразу же повернула обратно. Но нога у меня как-то скользнула, и я чуть не упала! Это же ужас что такое!

Виктория покосилась на секретаря, который сидел с совершенно невозмутимым видом.

– Самовнушение, – пробормотала она себе под нос.

– Что, простите? – живо обернулась к ней Илона Альбертовна.

Хотя первая жена Адрианова постоянно жаловалась на то, что слух у нее с годами становится все хуже, при случае она могла прекрасно слышать фразу, вполголоса произнесенную в другом конце комнаты.

– Психологи это наверняка объяснят лучше, чем я, – спокойно сказала Виктория. – Но, в общем, имеют место два момента: самовнушение и отбор подходящих моментов. Черный кот – это классический пример суеверий. Человек его видит, пугается и подсознательно настраивает себя на худшее. Если ничего особенного не произойдет, он все равно выберет из ближайших по времени происшествий негативные и свяжет их именно с котом. Как видите, все очень просто.

– Я не знаю, о чем таком вы говорите, – капризно сказала Илона Альбертовна. – Я знаю, что из-за этого кота я чуть ногу не сломала. Да!

Валентин Степанович, удобно устроившись в глубоком кресле, улыбнулся.

– Как я написал в одном из своих романов, надо бояться не черного кота, а белой собаки, – заметил он. – Особенно если она бешеная.

– Это верно, – с глубокомысленным видом поддержал его Дмитрий Каверин.

Это был невысокий, неказистый человек с рыжеватыми усами и такими же редкими волосами. Рядом с ним на диване сидела его пухленькая, круглолицая, веснушчатая жена, которая часто моргала, словно боялась расплакаться. Надя Каверина была подругой Евгении и теперь оказалась как раз напротив комода, на котором стоял большой портрет погибшей. В правой руке Надя держала бокал с вермутом, который едва пригубила.

– Ах, вы все такие недоверчивые! – воскликнула Илона Альбертовна. – Говорите что хотите, я совершенно точно знаю, что из-за этого кота я чуть не погибла!

– Ну что вы, Илона Альбертовна, – смиренно протянул Макс. – Уверен, вы еще всех нас переживете. – Интонация этих слов была такой невинной, что только человек, хорошо знавший плейбоя Макса, мог понять, что тот издевается.

«Ну, всех – это было бы чересчур, – подумал Филипп, не переставая улыбаться. – Я бы повесился».

– Кто-нибудь хочет еще что-нибудь? – подала голос Лиза, исполнявшая роль хозяйки дома. – Ликеры, вермут, коньяк? Антон Савельевич? Олег Петрович?

– Нет, спасибо, я не пью, – ответил секретарь.

– Я тоже, – отозвался профессор.

– Это вы сгоряча, – заметил Каверин. – А я бы принял еще коньячку.

– Коньяк отличный, – поддержал его Макс, и они углубились в обсуждение различных видов и марок этого благородного напитка.

Девушка с длинными ресницами, Ира Короленко, про которую все (не исключая Макса) успели забыть, сидела в углу, затаив дыхание, и то и дело переводила взгляд с лица старого писателя на Викторину Палей. Ира приехала в столицу из глубокой, дремучей провинции, и ей казалось необыкновенным и удивительным, что она сидит среди замечательных людей, которые пишут книги, и среди других, наверняка не менее замечательных, кото-

рые общаются с писателями каждый день. Она читала кое-что из детективов Адрианова, видела фото Виктории на обложках ее романов, и теперь молодая женщина в восхитительном лазоревом платье сидела на диванчике у старого черного пианино, закинув ногу на ногу. Возле Виктории примостился угрюмый брюнет с резким, решительным лицом, который не так давно на глазах Иры поколотил другого брюнета, того, который в очках, растянутом свитере и поношенных джинсах. Вид у Льва Подгорного самый что ни на есть демократичный, и только люди, которые очень хорошо разбираются в моде, могли заметить, что небрежный с виду свитер на самом деле стоит не меньше мотоцикла, а джинсы на критике точь-в-точь такие же, которые надевает на прогулку знаменитый американский актер. Примерно в том же духе одет и спутник Иры – как бы небрежный костюмчик, вроде бы самая заурядная рубашка, но от них нельзя оторвать глаз. Впрочем, Макс Доронин в любой одежде смотрелся бы идеально. Он отлично сложен, а серые сверкающие глаза составляли замечательный контраст с каштановыми волосами. Некоторые граждане (по преимуществу почему-то лысые и с бесформенными фигурами) утверждали, что плейбой Макс волосы подкрашивает, что для этого у него в Париже имеется даже свой парикмахер, но, скорее всего, их устами говорила исключительно зависть. Хотя Макс и в самом деле нередко навещался в Париж, как он лаконично говорил – по делам.

– А метель-то не утихает, – заметил профессор Свечников, покосившись в окно.

– Хорошо быть в это время где-нибудь в теплой стране, – вздохнула Надя. – И сидеть на берегу океана.

– Ну, нам и тут неплохо, – с улыбкой сказал хозяин дома.

– А мне как-то нехорошо от таких перепадов температуры, – пожаловалась Илона Альбертовна. – Да и из тропиков я вечно приезжаю совершенно разбитая. Наверное, организм уже привык к другому климату.

– Вот-вот, – кивнула Надя. – И у меня то же самое.

– Виктория, наверное, скажет нам, что это тоже самовнушение, – насмешливо заметил критик. Скула у него заметно распухла, и он старался избегать взглядом своего обидчика.

– А кладбище, наверное, совсем снегом замело, – невпопад проговорил Валентин Степанович, глядя на метель.

Дмитрий Каверин открыл рот, хотел что-то сказать, но обменялся взглядами с женой, крякнул и потер усы.

«Начинается», – подумал Филипп. До чего же досадно, что годовщина гибели Евгении пришлось на субботу и он не смог отговориться делами, чтобы не присутствовать здесь. Он со скукой предвидел, что вечер будет на редкость унылым, гости будут лицемерно твердить, как им не хватает дорогой Евгении Мстиславовны, потом теща переберет вина и устроит истерику, что ее никто не ценит и никто с ней не считается. Начнется безобразная склока, Лиза, как всегда, попытается всех помирить, но у нее ничего не получится. А еще ходят слухи, что тесть собирался зачитать свое новое завещание, и если кто-то сочтет себя обиженным, тогда вообще пиши пропало.

– Я был сегодня на ее могиле, – негромко продолжал писатель, словно ни к кому конкретно не обращаясь. – Как все это грустно. В других странах под кладбище нередко выделяют самое красивое место, а у нас...

Илона Альбертовна поежилась, и ее бусы сразу же ожили и зашелестели. Как и многие, скажем так, не слишком молодые люди, она плохо переносила разговоры о смерти. Но на помощь ей сразу же пришел старый друг Свечников.

– Бог дал, бог взял, – веско проговорил профессор. – Ничего не поделаешь.

– Обидно, – просто ответил старый писатель, и его улыбка казалась в это мгновение совсем беспомощной.

– Валентин, ты так говоришь, словно хотел бы, чтобы я умерла вместо нее. – Илона Альбертовна увидела отличную возможность устроить сцену и решила ее не упускать.

– Мама! – тихо сказала Лиза.

– Может быть, пора за стол? – вмешался Филипп. – Где Наталья, что она возится? Наталья!

Домработница явилась через минуту и в ответ на расспросы объявила, что гости могут садиться, еда скоро будет. Приглашенные потянулись к выходу, причем Олег Петрович зорко следил, чтобы Кирилл не приближался к критику слишком близко. Однако бизнесмен, казалось, больше не помышлял о мести. Он смерил секретаря насмешливым взглядом и, взяв Викторину за руку, крепко сжал ее пальцы.

– А ведь могли бы остаться дома, – шепнул он, жарко дыша ей в ухо. – И это было бы куда лучше.

Ира Короленко немного замешкалась, прежде чем выйти из комнаты, и, заметив неподалеку Лизу, вполголоса спросила ее о чем-то. Выслушав ее, дочь писателя кивнула.

– Прямо по коридору и направо, – сообщила она.

– Спасибо! – просияла Ира и на цыпочках ускользнула.

В коридоре Дмитрий Каверин подошел к Филиппу.

– Я надеюсь, мы управимся до девяти? – спросил он, озабоченно двигая рыжими бровями. – Мы с Надей собирались вернуться пораньше, дела, знаете ли...

– Конечно-конечно, – заверил его Филипп, – не волнуйтесь.

Под сводчатым потолком столовой зазвенели шаги и голоса, бутылки и бокалы, стоявшие на столе, отбрасывали на скатерть яркие блики. Кирилл хотел выглянуть в окно, чтобы узнать, продолжается ли метель, но окна в этой части здания оказались странные, крошечные, формой похожие на капли. Бизнесмен решил, что архитектор то ли перемудрил, то ли попросту напился, когда готовил проект. Впрочем, Кирилл все-таки сумел рассмотреть, что снаружи по-прежнему снегопад.

– Прошу к столу! – гостеприимно улыбаясь, говорил хозяин дома. – Виктория, прошу... Нет, Илоночка, не сюда, это место Лизы. Ты тоже рядом со мной, не волнуйся... Антон Савельевич! Вы с другой стороны от Илоны Альбертовны. Надя! Дмитрий! Сюда, если вы не против... Максим Петрович! Это место для вас, а ваша спутница сядет рядом. Кстати, где она?

Вымыв руки, Ира поспешила обратно к гостям, но с непривычки заплутала в незнакомом доме и оказалась в незнакомой комнате, где пахло старостью, сквозь странное окно в форме капли была видна словно надкушенная, какая-то больная луна. Ира двинулась обратно, ориентируясь по голосам, которые доносились откуда-то совсем недалеко, но вместо столовой оказалась возле лестницы.

«Вот глупая!» – с досадой сказала себе Ира.

Она принадлежала к тем людям, которые не умеют ориентироваться даже по самой наглядной карте и способны заблудиться не то что в трех, а даже в двух соснах. Несколько мгновений Ира размышляла, что делать дальше. Логичнее всего найти кого-нибудь из прислуги и попросить показать путь к столовой, но Ире было стыдно признаться, что она не способна сама разобраться с десятком комнат. Неожиданно она услышала голоса и увидела: в нескольких метрах от входа на кухню стоит секретарь хозяина, тот самый блондин со шрамом, который не дал кровожадному спутнику писательницы прикончить Льва Подгорного. Напротив – шофер Макса. Ира сразу же заметила, что вид у него на редкость сконфуженный. Мужчины не видели девушку, которую скрывала широкая лестница (значит, никак нельзя сказать, будто бы Ира подслушивала). Просто они разговаривали, не понижая голосов, и беседа их показалась Ире настолько странной, что она подкралась поближе и даже затаила дыхание от любопытства.

– Я тебя спрашиваю, что ты тут делаешь, – проговорил секретарь. И хотя там, в комнате, Ира сочла Олега Петровича симпатичным, сейчас он показался ей неприятным.

– А ты сам-то что тут делаешь, а? – вскинулся шофер. – Секретарь! Ты такой же секретарь, как я балерина! Кого хочешь обмануть, а?

– Не твое дело, – отрезал Олег Петрович, – но если будешь путаться у меня под ногами...

– Что тогда? Я шофер, ясно тебе? Всего лишь долбаный шофер! Потому что ты, между прочим, меня выжил!

– Никто тебя не выживал, ты сам виноват. О чем ты вообще тогда думал?

– А, ну да, ну да, верно. Легко быть чистеньким, да, Олег? Только вот не всегда можно быть правильным и одновременно правым. Может, я был не прав, что убил эту сволочь. Но я знаю одно: я поступил совершенно правильно!

– Толя!

– Ты меня не переубедишь!

«Боже мой, какой ужас, – мелькнуло в голове у Иры. – Надо срочно предупредить Макса! Его шофер – убийца! А этот второй, который знает про шофера, наверное, его сообщник! Кошмар, просто кошмар, никому доверять нельзя...»

Когда Ира вошла в столовую, Лиза сразу же обратила внимание, что у девушки встревоженный вид.

– Вы нашли то, что искали? – на всякий случай спросила дочь писателя.

– Да-да, – пробормотала Ира, ища глазами Макса, – все в порядке.

Она подошла к нему, чтобы рассказать страшную правду о его шофере, но не успела, потому что всеобщим вниманием завладела Илона Альбертовна.

Глава 6

Тринадцать плюс один

– Это просто чудовищно! Я не сяду за этот стол!

– Илона Альбертовна!

– Мама, в чем дело?

Не отвечая, первая жена писателя трагическим взглядом окинула стол.

– Одиннадцать, двенадцать, тринадцать. Верно, я не ошиблась! Нас за столом тринадцать человек!

Критик Подгорный сразу же оживился.

– О! Мы попали в детективный роман! И сегодня вечером, – добавил он, задорно глядя на Викторию, – кто-нибудь из гостей обязательно умрет!

– Было бы неплохо, – сквозь зубы бормотнул Кирилл.

Филипп озадаченно потер пальцем бровь и принялся считать. Зная характер Илоны Альбертовны, он не исключал, что она может устроить скандал на пустом месте. Стало быть, Адрианов и дорогая теща – два. Он с Лизой – четыре. Макс и девица, которая со встревоженным видом вцепилась в его руку, – шесть. Чета Кавериных – восемь. Профессор Свечников – девять, секретарь, который только что вошел в комнату, – десять. Виктория Палей и ее спутник – двенадцать... а где же тринадцатый? Верно, критик.

– Тринадцать, – зачем-то уныло подтвердил Филипп.

– Вот видите! – вскинулась Илона Альбертовна.

– Все это глупости, – вмешался ее бывший муж. – Но, чтобы Илона не беспокоилась... – Он немного подумал. – Мы можем пригласить еще кого-нибудь.

– Наталью? – нерешительно спросила Лиза. – А кто будет подавать на стол?

– Моего шофера, – вмешался Макс.

Он так и не понял, зачем Ира с безумным видом замотала головой и еще крепче вцепилась в его руку. Его стали раздражать эти телячьи нежности, он высвободился с недовольной гримасой.

– Его зовут Толя, – продолжал Макс, – он бывший научный сотрудник или что-то в этом роде. Короче, мешать нам не будет.

– Научный сотрудник? – поднял брови профессор. – Занятные нынче пошли шоферы!

– Интеллигенции всегда приходилось нелегко, – объявил Каверин и улыбнулся. Он принадлежал к людям, которых хлебом не корми, дай сказать какое-нибудь общее место. На всякий случай жизни у него про запас всегда имелись десятки прописных истин, которые в его устах почему-то начинали казаться редкостной чушью. Викторию, во всяком случае, они раздражали, но она не раз сталкивалась с тем, что окружающие из-за этих же избитых выражений считали Дмитрия Каверина необыкновенно умным человеком. Вот и сейчас Лиза посмотрела на Надиного мужа с явным уважением.

– Все, приглашаем, – распорядился Адрианов. – Наталья! Нам нужен еще один стул для нового гостя. Заодно и позовите его сюда.

И он галантно отодвинул стул, помогая усесться жене. Илона Альбертовна устроилась на сиденье, мучительно размышляя о том, как тяжело в наши непростые времена сидеть за одним столом с секретарем и шофером и до чего людей может довести тяга к демократии.

– Я надеюсь, он не стащит сервиз, – на всякий случай сказала она.

Лиза укоризненно поглядела на мать. Сервиз был из фарфора с глазурью, производства страны под названием ГДР, давно исчезнувшей с карты мира. Такие сервизы в советское

время водились в любом мало-мальски приличном доме, и требовалась очень большая фантазия, чтобы представить себе, что кто-то пожелает стащить *это*.

– Макс, – прошептала Ира, косясь на дверь, откуда с минуты на минуту должен был появиться убийца Толик, – мне надо тебе кое-что сказать!

– После, детка, после, – отмахнулся Макс.

– Но Макс!

Он повернулся к ней:

– Ты что, мать твою, совсем вести себя не умеешь? Я же сказал тебе: после!

Вот придурок, брезгливо подумал Кирилл, слышавший весь этот разговор. Мало того что связался с идиоткой, так еще и не умеет с ней обращаться. Он отвернулся, и взгляд его упал на унылое лицо Лизы, на ее длинный нос и сутулые плечи. Кирилл попытался представить себя на месте Фили, которому приходится видеть это каждый день, и он так расстроился, что у него чуть не пропал аппетит.

– Кирилл, – шепнула Виктория.

– Что?

– У тебя на лице все написано. Не надо.

Кирилл сделал большие глаза:

– Что написано?

И он сдавленно охнул, потому что его спутница (знаменитая писательница, если кто забыл) без всяких околичностей ущипнула его за бок.

– Не надо так смотреть на Лизу. Она умная девушка и все понимает.

– Какая она девушка, у нее двое детей, – сказал Кирилл-неисправимый, Кирилл-грубиян.

– Ки-ри-илл!

– Что – Кирилл? Давай вон у профессора спросим, можно ли оставаться девушкой с двумя детьми. Почему-то я уверен, он скажет, что нельзя.

Виктория собиралась призвать своего спутника к порядку, но заметила, как Валентин Степанович, сидя во главе стола, осторожно массирует левую сторону груди. Она похолодела. «Неужели сердце?..»

– Валентин Степанович! – тихо проговорила она, перегнувшись к нему через стол. Писатель поднял глаза.

– Ничего, Виктория, не обращайтесь внимания... Стар я уже стал, сдаю.

– Может быть, тебе таблетку? – спросил профессор.

– Нет, не стоит.

– И зачем вообще было все затевать... – негромко, однако же так, чтобы ее услышали все, проговорила Илона Альбертовна.

Появился шофер Толя и уселся на свободное место напротив Кавериных. Наталья внесла последнее блюдо, окинула критическим оком стол – все ли на месте, не забыла ли чего-нибудь, – убедилась, что все в порядке, и исчезла.

Поняв, что шофер сидит не рядом с ними, Ира немного успокоилась и стала вертеть головой, рассматривая комнату.

– Какие картины странные, – сказала она Макс, показывая на стену, где висели несколько мрачноватых пейзажей с искаженными пропорциями.

Макс посмотрел и нахмурился:

– Это она рисовала.

– Кто?

– Евгения. Она же художницей была, ты что, забыла?

– И часы стоят, – добавила Ира, глядя на старые часы, стоявшие на камине.

Критик Подгорный, сидевший рядом, кашлянул. Он видел, что Макс вот-вот взорвется, но его это только забавляло.

– Часы остановили специально, они показывают время смерти Евгении, – любезно сообщил он. – Вообще, кто-то мне говорил, что это была ее любимая комната в доме. Она любила сидеть у окна и рисовать.

Ира совсем сникла. Она была не против того, чтобы хранить память об умерших, но останавливать часы – все-таки слишком. Ей чудилось в этом нечто нездоровое. В поисках поддержки она оглянулась на Каверины, но те бодро накладывали салат на тарелки. Профессор Свечников разглядывал этикетку на одной из бутылок, старая дама с седыми кудрями о чем-то тихо беседовала с дочерью, секретарь словно растворился в воздухе и, хоть и находился среди гостей, абсолютно ничем не выдавал своего присутствия. Филипп явно скучал и поглядывал на часы, критик хмурился, а убийца-шофер, хоть и силился делать вид, что он тут просто так, то и дело поглядывал на присутствующих, которые, судя по всему, сильно его занимали. Ира заметила, что у шофера как-то подозрительно оттопыривается карман, и похолодела. «Пистолет! Он носит с собой пистолет!» Она обернулась к Максиму, чтобы предупредить его, но он встретил ее таким злым взглядом, что слова замерли у нее на губах.

– Берите салат, – посоветовал ей Кирилл, который сидел слева от нее. – Иначе вам ничего не достанется.

Но Ире кусок не лез в горло. Будто сквозь туман, она увидела, как старый писатель поднялся с места. Он обвел взглядом присутствующих и улыбнулся.

– Прежде всего, – начал Адрианов, – я хотел бы поблагодарить вас всех за то, что вы приехали.

– Ну что вы, не стоит, право же, – подала голос Надя.

– Вы все мои друзья, вы все были друзьями Жени, – продолжал Валентин Степанович, и голос его дрогнул. Льющийся из хрустальной люстры электрический свет зажигал в бокалах золотые искры. – И вы все знаете, зачем мы тут собрались. Чтобы почтить память женщины, замечательной художницы, прекрасной жены... – Тут голос его дрогнул сильнее, и внезапно другим тоном Адрианов сказал: – Прости, Женя. Я никогда не умел говорить речи.

Виктория почувствовала, как у нее по спине пробежали мурашки. У нее было хорошо натренированное воображение, и она легко могла представить себе, что таилось за этой оговоркой. Интересно, сколько раз, оставаясь наедине с собой, старый писатель говорил с умершей, звал ее по имени, плакал? У нее сжалось сердце.

– Валентин, – капризно напомнила Илона Альбертовна, – тебе нельзя волноваться.

– В самом деле, – поддержал ее профессор.

– Папа, может, тебе лучше сесть? – жалобно спросила Лиза.

Она думала: «Надо было отговорить его от этой безумной затеи. Но он во что бы то ни стало хотел собрать нас здесь... именно на старой даче, каравелле, как она ее называла... куда она зачем-то ехала в день, когда произошла катастрофа».

– Нет, я постою, – ответил Валентин Степанович и ободряюще улыбнулся дочери.

Он слегка коснулся рукой груди и, сделав паузу, продолжал:

– Я бы хотел предложить тост за Евгению. Она навсегда останется такой, какой мы ее помним... в наших сердцах. Потому что, хотя ее больше нет с нами, пока мы ее помним... пока мы ее помним, значит, не все пропало. И в этот день... – Он махнул рукой, его губы дрожали. – Извините, – совсем тихо закончил он.

Виктория поняла, что он находится на пределе, и поспешила на помощь.

– За Евгению, – сказала она, поднимаясь с места. За ней следом поднялся Кирилл, потом Макс, потом Каверины, потом остальные. Молча выпили вино, дрожавшее в бокалах, и так же молча сели обратно за стол.

Опустившись на сиденье, Виктория бросила взгляд на стоявшие часы. «Видит ли она? Знает ли она, там, где она сейчас, что ее не забыли, что... или это все наши иллюзии, как и бесконечные истории о призраках, о возвращениях, о верности живых тем, кто давно ушел и никогда не сможет все это оценить...»

– Интересно, няня уже уложила детей спать? – вполголоса спросила Лиза у мужа. – Какая-то она бестолковая, по-моему.

– Рано еще, – ответил Филипп. – А про няню ты зря. Хорошая девушка.

– Я ей потом позвоню, – решила Лиза.

Поскорее бы этот вечер закончился, мелькнуло у нее в голове. Они узнают условия завещания отца и разъедутся. Вообще, по правде говоря, можно было бы отлично устроить вечер памяти в Москве, а не тащить всех в эту глушь, откуда до МКАД не меньше часа. Да еще пробки, скверные дороги, гололед, метель, которая никак не хочет стихать...

– Интересно, этот салат с чем? – задумчиво спросил критик, глядя на наполовину опущенное блюдо, судя по всему, пользовавшееся популярностью у гостей.

– С ядом, – тут же подоспел добряк Кирилл.

– Полно вам, Кирилл, – укоризненно проговорила Надя. – Он с кальмарами.

– Ядовитыми, – предостерег бизнесмен. – Вы что, забыли, что один из нас должен умереть?

– Тьфу на вас, – возмутился Дмитрий Каверин. – Никто не умрет, нас за столом четырнадцать.

– Это будет прорыв в детективном жанре, – хмыкнул критик, накладывая себе большую тарелку ядовитых кальмаров. – Кстати, Вика, если бы ты писала о нас свой очередной дефективчик, кого бы ты убила первым?

– Она пишет детективы, а не дефективы, – угрожающе напомнил Кирилл и сжал вилку, как кинжал.

– В любом случае к литературе сей жанр не имеет ни малейшего отношения. – Критик Подгорный сел на своего любимого конька и, судя по всему, вовсе не собирался с него слезать.

– Докажи, – отрезала Виктория. – А я тебе в ответ докажу, что «Гамлет» – вполне себе детектив, причем мистический. И что истории с убийствами и расследованиями этих убийств сочиняли задолго до Эдгара Аллана По, который считается основоположником жанра. Кстати, про него ты тоже скажешь, что это не литература?

– По много чего писал, – вывернулся Подгорный. – Не только детективы.

– И Конан Дойль много чего писал, – кивнула Виктория. – И Честертон, и незабвенная миссис Кристи. Но лучшие их произведения созданы именно в жанре детектива. Хотя сам Конан Дойль считал, что лучшая его книга – роман «Белый отряд». Ну и кто его помнит?

– Дорогуша, – сладким голосом произнес критик (он отлично помнил, что Виктория терпеть не могла, когда к ней так обращались). – Дорогуша, я говорю не о Конан Дойле и не о миссис Кристи, и даже не об авторе «Гамлета». Современная российская литература – вот что меня волнует. А ее уровень благодаря таким авторам, как ты и тысячи других болванов, которые клепают посредственные романчики, удручающе низок. Вот пепел Клааса, который стучит в мое сердце. – Он мило улыбнулся Ире, которая слушала его, широко распахнув глаза, и, судя по всему, не понимала ни слова из того, что он говорил. – Черт возьми, я могу гордиться, что в XIX веке в моей стране были Лев Толстой и Чехов, что в следующем веке, несмотря на все исторические изломы, мать их за ноги, Булгаков и Алексей Толстой, который таки крупный писатель, что бы о нем ни говорили. А сейчас – кем ты прикажешь гордиться сейчас? У нас тысячи, десятки тысяч графоманов, считающих себя писателями, хотя многие из них, замечу в скобках, попросту безграмотны. И эти бездари – давайте уж называть вещи

своими именами, – эти симулякры, суррогаты, квазиписатели заполнили все прилавки, их читают, а нормальные авторы никуда не могут пробиться.

Услышав диковинное слово «симулякр», звучавшее как ругательство, Кирилл вытаращил глаза и поперхнулся. Виктория легонько постучала его по спине.

– Наверное, это заговор? – предположил рыжий Дмитрий, насмешливо блестя глазами.

– О да, – поддержала его Виктория. – И самая популярная авторша страны Жозефина Покрышкина стоит с базукой у входа в каждый книжный и силой заставляет несчастных читателей покупать ее книги.

– Когда ничего, кроме нее, не печатают... – вновь начал Подгорный.

– А я тебе говорю, – оборвала его Виктория, – что в любом мало-мальски приличном книжном книги на все вкусы. И детективы, и сочинения о ловле бабочек, и реалистический роман – не люблю я слово «мейнстрим», оно дурацкое. Современные писатели не настолько глупы, чтобы писать в стол, тратя колоссальный труд на тексты, которые никто не увидит... они ищут и находят небольшие издательства, готовые рисковать, и издаются, и получают премии, между прочим. Что касается детектива, фантастики, любовного романа, которые так тебе не нравятся, – когда вы наконец поймете, что нельзя охаивать весь жанр целиком, что нет ни хороших, ни плохих жанров, есть только книги, зачастую совершенно разные, и авторы, тоже разные. А тебе хочется, чтобы все покупали только книги о ловле бабочек, но этого не будет, не будет никогда!

– О господи, – простонала Лиза. – Вы что, опять ссоритесь?

– Это вечный спор интеллигентов между собою, – с широкой улыбкой пояснил Макс, который слышал всю перепалку. – Ведется он таким образом: «Дурак!» – «Сам дурак!»

– Виктория пытается заставить меня уважать современную российскую литературу, – хмыкнул Подгорный. – Поскольку она лицо, так сказать, кровно в этом заинтересованное. – Он холодно улыбнулся. – Не обижайся, дорогуша, но моя миссия как критика – не дать восторжествовать таким, как ты. Кто-то должен сказать вам в лицо, что вы бездари и что ваши так называемые книги не стоят и ломаного гроша. И ваша болезненная реакция на мои статьи, между прочим, доказывает, что я прав. И вы знаете в глубине души, что я прав, но ничего не можете с этим поделать.

– Сейчас они снова подерутся, – шепнул Филипп жене, косясь на побагровевшего Кирилла.

– Я прошу вас! – сердито сказала Лиза. – Прекратите! Хотя бы в память о Евгении!

– Да, в самом деле, а то как-то нехорошо, – пробормотала Надя.

– Вот именно, – поддержал ее муж и налил себе еще вина.

Однако Лев Подгорный не из тех людей, которые не постараются оставить последнее слово за собой.

– Я так думаю, в очередном романе ты опишешь меня в виде какого-нибудь расчлененного трупа, – бросил он Виктории. – Или выведешь в образе маньяка-садиста, к примеру. Или...

Он не успел закончить фразу. От конца стола, за которым сидел хозяин дома, донесся сдавленный хрип и через мгновение – стук опрокинутого стула и упавшего на пол тела.

Лиза вскрикнула, Надя дернула рукой и опрокинула на скатерть бокал с вином. У Виктории потемнело в глазах. «Неужели...»

– Антон! – пронзительно закричала Илона Альбертовна, приподнявшись на месте. – Скорее! Валентину дурно!

Профессор Свечников склонился над писателем, распростертым на ковре, пощупал пульс. Вокруг столпились вскочившие со своих мест гости, и лица у всех были бледные и настороженные.

– Ему нужен воздух, – объявил Свечников. – Возможно, это просто обморок... Так или иначе, лучше перенести его в спальню. Олег Петрович! Филипп! Помогите мне, пожалуйста...

Лиза заплакала. Секретарь взглядом отыскал шофера Доронина и едва заметно кивнул ему на дверь. И частный сыщик Толя Владимиров подошел к двери и придерживал ее, пока мужчины выносили писателя. За ними, тяжело шаркая ногами, шагал профессор Свечников.

Глава 7

Минус один

– Я уверена, с ним будет все хорошо, – в который раз повторила Илона Альбертовна. Секретарь и зять писателя вернулись через минуту, но профессор по-прежнему находился наверху, в спальне Адрианова. Гости беспомощно переглядывались, ожидание действовало всем на нервы.

– Я пойду туда, – наконец сказала Виктория.

– Я с тобой, – сразу же откликнулся Кирилл.

Однако они не успели даже выйти из столовой, потому что вернулся профессор. Вид у него был на редкость мрачный.

– Ну, как он? – нетерпеливо закричала Илона Альбертовна. – Антон! Он пришел в себя? Свечников немного помедлил.

– Мне очень жаль, – пробормотал он наконец, пряча глаза. – Илона Альбертовна... Лиза... Валентин Степанович умер.

Надя Каверина тихо ахнула и опустилась на ближайший стул. В глазах у нее стоял ужас. Даже плейбой Макс, казалось, находился в затруднении. Подумать только: пять минут назад сидел человек с ними за столом, и теперь он мертв...

– Антон Савельевич, – серьезно спросил Филипп, – что случилось?

– Сердце, по-видимому, – лаконично ответил профессор. Услышав его ответ, Лиза бурно зарыдала.

– Я так и знала... так и знала... – бессвязно повторяла Илона Альбертовна, разжимая и сжимая руки и шелестя бусами. – Этот вечер... ох, этот вечер! Не стоило его устраивать!

И тут, ко всеобщему изумлению, тихая, скромная, незаметная Лиза набросилась на критика.

– Это вы! – крикнула она ему в лицо. – Это из-за вас он умер!

– Дорогая, – пробормотал Подгорный, – вы в своем уме? Я-то тут при чем?

– При том! – злым, звенящим от ненависти голосом крикнула Лиза. – Он написал роман... о себе и Евгении... о ее гибели... где описана вся их ситуация... – Она обернулась к Виктории. – Вы должны понимать, вы ведь тоже писатель! Он не мог носить в себе эту муку, он сошел бы с ума... И он написал книгу! А вы написали на нее свой мерзкий отзыв! Высмеяли его, его страдания... вот типа старик, который убивается по молодой... сырая, слабая книга... это за все то, что он для вас сделал! Я помню, когда он читал вашу статью, какое у него было лицо... как тогда, перед инфарктом... Ненавижу вас! – крикнула Лиза, топя ногой. – Чтоб вы сдохли вместе с вашей критикой!

– Лиза, Лиза, – предостерегающе сказал Филипп. – Не надо, Лиза, не стоит. Твоего папу это все равно не вернет.

– А если это и было тем, что его добило? – крикнула его жена. – Ты что, не понимаешь, в самом деле? Разве ему много было нужно?

– Лиза права, – вмешалась Илона Альбертовна. – Но теперь мы не вправе об этом судить. Наверное, ему лучше там, где он сейчас. В конце концов, там он увидится с Евгенией...

И после этой фразы в комнате установилась полная, абсолютная, ошеломляющая тишина.

– Дама, простите, вы воображаете, что вы вообще плетете? – не выдержал Кирилл. Илона Альбертовна, с опозданием сообразив, что на этот раз перегнула палку, невинно захлопала накладными ресницами.

– А что я такого сказала? Молодой человек! Я бы попросила вас...

– Илона! – тихо, но очень выразительно проговорил профессор. С большим неудовольствием вдова Адрианова умолкла.

Виктория, кусая губы, смотрела перед собой. Она вспоминала...

Университет, аудитория, день, Адрианов с портфелем... И она.

– Я хочу стать писателем, – повторила Виктория, волнуясь.

– И вы спрашиваете у меня разрешения? – удивленно протянул Валентин Степанович. – Деточка! Так дело не пойдет. Или это сидит в вас, понимаете, как заноза, и вы будете сочинять, несмотря ни на что... никого не спрашивая, не думая ни о чьем мнении... или, извините старика, это блажь, которая скоро пройдет. Мода, не знаю что... – Он вздохнул. – Много вы уже насочиняли?

– Да, но... все не то.

Адрианов смерил ее ласковым, но немного насмешливым взглядом.

– И, конечно, принесли мне рукопись, чтобы я вас разуверил, – хмыкнул он. – Длинную, длинную рукопись... страниц триста, шариковой ручкой. Так?

– Нет. Просто... просто я не знаю, с чего мне начать.

Она всхлипнула и опустила на скамью.

– Ну, это уже ни на что не похоже, – вздохнул Валентин Степанович, сильно смутившись. – Слезы... что ж это такое! – Он немного подумал. – Знаете что, выберите-ка из того, что вы насочиняли, рассказ, да приходите ко мне. Обсудим, поговорим и посмотрим, что да как. Только рассказ берите не очень длинный, а то разбирать его будет тяжеловато, – на всякий случай добавил он.

– Хорошо, – сказала Виктория, поднимаясь с места. – Я приду.

...А теперь все кончено. И Валентин Степанович, которого она знала и которому, если называть вещи своими именами, стольким обязана, теперь только воспоминание и остывающее тело в комнате там, наверху. Виктория поймала сочувствующий взгляд Кирилла и отвернулась. По натуре она принадлежала к людям, которые, если им плохо, предпочитают оставаться одни.

И в это мгновение всех удивила девушка Макса.

– А я вот что подумала... Валентин Степанович... он умер сам или ему помогли?

От неожиданности шофер, то есть Толя Владимиров, дернул локтем и опрокинул какую-то вазу, которая с грохотом повалилась на пол.

– Извините, – пробормотал он, покраснев. Но никто даже не обратил на него внимания.

– Так, – уронил Подгорный в пространство. – Еще одна поклонница убогих дефективчиков!

– Вы что имеете в виду, простите? – побагровел Филипп. – Что моего тестя кто-то убил? Что за чушь!

– Вот-вот, – кивнул критик. – Вот как раз после этой фразы в романе обычно и выясняется, что кто-то кого-то таки прихлопнул.

Зять Адрианова хотел что-то сказать, но его опередил Кирилл. Судя по всему, спутник Виктории считал, что его разборки с критиком вовсе не закончены.

– Не обижайтесь, – бросил он Подгорному, – но, по-моему, вы идиот.

– А я и не обижаюсь, – парировал критик. – От идиота слышу!

И он с удовольствием налил себе большой бокал вина, не обращая больше на Кирилла никакого внимания.

– Вы можете смеяться надо мной сколько угодно, – храбро заявила Ира, – но я точно знаю: среди нас находится убийца. И кое-кто об этом знает!

Она многозначительно поглядела на симпатичного секретаря Олега Петровича, который играл в какую-то особую, одному ему понятную игру.

– Так, – вмешалась Надя Каверина. – Девушка, объяснитесь, пожалуйста.

– А тут нечего объяснять. – Ира повернулась к своему спутнику. – Макс, я хотела тебя предупредить... насчет твоего шофера... Я слышала, как вон тот, который выдает себя за секретаря, назвал его убийцей. А он даже не отрицал. И вообще...

Вообще плейбой Макс всех сильно удивил, разразившись потоком энергичной брани в адрес своей девушки. «Безмозглая тупица» было среди всего, что он сказал, самым нежным и ласковым выражением.

– Кретинка! Что ты наделала!

– А что я наделала? – пролепетала Ира, совершенно растерявшись. Она не понимала, почему Макс кричал на нее, когда она хотела только сделать как лучше.

Шофер-убийца тихо, но выразительно матюгнулся и засунул руки в карманы. Сообщник убийцы, он же секретарь со шрамом, стоял и безмятежно улыбался. Филипп поглядел на него и нахмурился.

– Вы не хотите ничего нам объяснить? – очень вежливо спросил Дмитрий Каверин.

– Все это как-то странно! – поддержала его Илона Альбертовна. – Я могу допустить, что девушка нафантазировала, но... Вы же все-таки секретарь? – с надеждой спросила она.

Олег Петрович вздохнул.

– Нет, – сказал он скучающе, – я не секретарь. Я капитан Олег Петрович Кошкин из милиции и нахожусь в доме по соглашению с вашим покойным супругом. Он решил, что так будет лучше для дела.

– Дела? – пролепетала Лиза. – Какого еще дела?

– Речь идет о расследовании убийства его жены, – пояснил капитан Кошкин и поглядел на присутствующих спокойными светлыми глазами.

Очень пронизательными глазами, по правде говоря.

– То есть мачеху моей жены убил его шофер? – спросил Филипп, глядя на капитана во все глаза. – Поэтому вы называли его убийцей?

– Нет, – ответил Олег Петрович, – это наш бывший сотрудник, который вынужден был уйти из милиции. Неудачное стечение обстоятельств, так сказать. К делу не относится.

– Что, пристрелил подозреваемого? – задорно осведомился критик.

– Не пристрелил, – признался Толя. – Просто подозреваемый... ну... переволновался и помер у меня на допросе. Бывает, знаете ли, но некоторые решили, что я виноват. Типа превысил полномочия, все дела. – Он покосился на Олега Кошкина и закончил: – Из милиции я ушел, ну и того... Нанялся в шоферы.

Что ж, подумала Виктория, похоже на правду. Очень даже похоже. Только вот почему она ни капли не верит в то, что бывший сотрудник милиции случайно оказался в этом доме тогда же, когда там объявился и сотрудник настоящий?

Филипп подошел к столу и налил себе бокал белого вина.

– Извините, – проговорил он, – у меня голова идет кругом. – Он залпом выпил бокал и улыбнулся. – Значит, вы не секретарь, а... ну да. Шофер Макса – ваш знакомый, тоже не совсем шофер. Теперь что касается...

– Прошу прощения, – вмешался профессор Свечников, – но я как-то не очень расположен верить словам людей, которые лично мне не известны. – Он обернулся к Кошкину. – Если вы работник милиции, у вас должно быть удостоверение. Будьте добры, покажите его нам. А то мало ли что вы с вашим другом могли нафантазировать, в самом деле...

Глядя ему прямо в глаза, Кошкин достал книжечку и протянул профессору. Свечников внимательно изучил документ, хмурясь. На его переносице залегли глубокие складки.

– Все в порядке, Антон? – шепотом спросила Илона Альбертовна.

– Да, – ответил профессор, возвращая документ Кошкину. – Он настоящий сыщик.

– Жаль, – скучающе протянул Подгорный. – Если бы мы были в каком-нибудь классическом английском детективе, сыщик наверняка оказался бы убийцей. Затасканный сюжетный ход, но зато весьма эффектный.

Надя задумчиво кивнула.

– Мне очень нравится «Мышеловка», – сообщила она.

– А мне всегда было жаль, что мисс Марпл никого не убила, – неожиданно подал голос Макс. – Такая противная старуха наверняка должна была кого-нибудь прикончить.

– Почему это противная? – удивился Филипп.

– Не знаю, мне она никогда не нравилась. В отличие от Пуаро, к примеру.

– Чрезвычайно ходульный образ, – зевнул Подгорный. – Глупее только Шерлок Холмс. Ни семьи, ни родных, ни сколько-нибудь внятных связей, только набор дурацких привычек, переходящий из книги в книгу. Манекены, одним словом.

– Я бы хотел, – вмешался Филипп, – все-таки получить кое-какие объяснения. Уверен, что этого желаю не я один. – Он повернулся к Кошкину. – Прежде всего, о каком убийстве вообще может идти речь? Насколько я помню, Лизина мачеха погибла в автокатастрофе.

– И, между прочим, дело было закрыто, – подал голос профессор.

– Оно открыто вновь, – спокойно ответил Олег Петрович и улыбнулся.

– Почему? – встревожилась Илона Альбертовна.

– На этом настоял муж покойной, Валентин Степанович. У него были некоторые, скажем так, основания думать, что его жена убита.

– Покойный муж покойной, – буркнул Дмитрий себе под нос. Жена укоризненно поглядела на него.

– Что за основания? – спросил Макс.

– Он тебе не скажет, – отозвался критик, с аппетитом поедая апельсин. – Сошлется на то, что обязан хранить тайну следствия.

– Послушайте, – вмешался профессор, – я не знаю, какие основания могли быть у Валентина, но... Все это как-то странно! Он кого-то подозревал? Считал, что к ее смерти мог приложить руку кто-то из домашних?

– Это ваши догадки, профессор, – мягко заметил Олег Кошкин. – Лично я не говорил ничего подобного.

– Иначе папа просто не стал бы держать это в таком секрете, – подавленно проговорила Лиза. – Ведь мы ничего не знали о новом расследовании. Скажите, он подозревал кого-то из нас? Да?

– Чушь, чушь, чушь! – сердито воскликнул Свечников. – Валентин был немолодой человек, мало ли что ему могло показаться! Конечно, не все присутствующие ладили с Евгенией, но чтобы убить ее – это, простите, не лезет ни в какие рамки!

– Это все слова, – отозвался Кошкин. – У вас есть доказательства?

– Между прочим, – сердито пропыхтел Свечников, – коли уж речь зашла о доказательствах, то я осматривал ее тело! Потому что Валентин попросил меня об этом! И я ручаюсь, понимаете, своей репутацией ручаюсь, что Евгения Адрианова погибла в автокатастрофе, да, именно в автокатастрофе!

По тому, как сверкнули глаза Олега Кошкина, Виктория поняла, что у капитана имеется наготове козырной туз, и этим тузом он сейчас профессора прихлопнет.

А может быть, и не только профессора, да-с.

– Значит, ручаетесь, да? – очень мягко промолвил Кошкин. – А вот результаты эксгумации говорят совсем о другом.

Ира тихо ойкнула и поднесла ладонь ко рту.

– Эксгум... – подавленно прошептала Лиза.

– Да, Валентин Степанович дал разрешение поднять ее тело.

– Это бесчеловечно! – вскинулась Илона Альбертовна.

– Не тогда, когда речь идет об убийстве, – отрезал Олег Кошкин.

И тут все услышали нервный, высокий, захлебывающийся смех. Смеялся Филипп Ермолов.

– Да, вот так тестюшка, – проговорил он, отсмеявшись. – Привел в дом секретаря, который никакой не секретарь, тайком учредил новое следствие, а мы-то ни о чем и не подозревали. То-то я думал, что это он последнее время стал такой спокойный, почти не вспоминал о Евгении...

Профессор, кусая губы, хмуро размышлял о чем-то.

– Я допускаю, что мог что-то пропустить. Но убийство... – Он беспомощно пожал плечами. – Впрочем, мне и в голову не могло прийти.

– Об этом мы с вами еще поговорим, – ответил Кошкин. – Потом.

– Нет, мы хотим знать сейчас! – вмешалась Лиза. – Вы считаете, что Евгению убили? Почему? Как? Что именно вы нашли на ее теле?

– У меня нет под рукой заключения наших экспертов, уж извините, – усмехнулся Кошкин. – Там девять страниц одних анализов и рассуждений. Коротко говоря, Евгении Адриановой проломили голову тяжелым предметом. Примерную форму этого предмета наши эксперты установили по следам, которые он оставил на костях черепа. При аварии такую травму Евгения Адрианова никак получить не могла, так что напрашивается вывод, что ее убили.

– Я хотел бы знать фамилии ваших экспертов, – сердито проговорил профессор. – Их звания, заслуги и прочее. Потому что мало ли что они могли напридумывать в угоду Валентину!

– Спокойно, профессор, – осадил его Филипп. – Ну ошиблись вы в своем заключении, мало ли, с кем не бывает. – Он обратился к Кошкину: – Я хотел бы уточнить один момент. Существует ли вероятность, что ваши эксперты ошиблись? Ну, допустим, был в машине некий предмет, который мог нанести Евгении травму, а получился эффект, как от убийства?

– Я понимаю, о чем вы, – кивнул Олег Кошкин. – Фокус в том, что такого предмета в машине не было. Это совершенно точно.

– Какой кошмар, – прошептала Илона Альбертовна.

Дверь приотворилась, и в комнату заглянула домработница.

– Валентин Степанович, вы закончили, можно убирать? А где Валентин Степанович?

– Ха, а про вас-то мы совсем забыли, – заметил критик. – Непорядок! Кстати, обратите внимание на домработницу, Олег Петрович. Преданная всезнающая прислуга – неременная часть любого приличного детектива, а Наталья служит у Адрианова уже лет пятнадцать.

Пока Олег Петрович объяснял, что случилось, пока домработница охала, ахала и уверяла всех, что у ее хозяина было богатырское здоровье, Кирилл подошел к Виктории.

– Может, свинтим отсюда? – без дальнейших околичностей предложил он.

– Нет, – коротко ответила Виктория, и по ее взгляду он понял, что настаивать бесполезно. – Мне надо поговорить с этим капитаном.

– Зачем?

– Если кто-то убил Женю, я должна знать, кто это сделал.

Кирилл возвел глаза к потолку, хотел сказать что-то резкое, но передумал и только тяжко вздохнул.

– Послушай, это ведь так просто не делается. Если капитан сидит здесь в засаде, это значит, помимо всего прочего, что на данный момент у них ничего нет. Они знают только, что кто-то проломил ей голову, но кто – не знают. Если бы у них было что-то большее, чем просто подозрения, они бы уже кого-нибудь арестовали. И вообще, – он доверительно наклонился к своей спутнице, – подумай сама. Теперь, когда Валентин Степанович умер, дело наверняка постараются прикрыть, и на этот раз – навсегда. Потому что старушка Илона не из тех

людей, которые потерпят, чтобы ей задавали разные вопросы. Ну, сама понимаешь, насчет ее отношения ко второй жене и прочее. Да и остальные члены семьи тоже не лыком шиты. Автокатастрофа их вполне устраивала, и они сделают все, чтобы эта версия не изменилась.

Виктория слушала и понимала, что Кирилл, который как всегда смотрел в корень дела, совершенно прав. Каким бы проницательным и цепким ни был капитан со шрамом, без поддержки Адрианова ему ничего не добиться. В конце концов, любое экспертное заключение можно объявить недействительным, вновь возбужденное дело закрыть, а все доказательства предать забвению. И тогда ни она, ни Кирилл, ни другие, кому небезразлична судьба Евгении Адриановой, уже ничего не смогут поделать.

Но, как оказалось, она недооценила одного человека. Этим человеком был капитан Олег Кошкин.

Глава 8

Завещание, которого не было

- Все это так неожиданно, – беспомощно проговорила Лиза.
- Совершенно не вовремя, – поддержал ее муж.
- И, между прочим, мы собрались здесь совсем для другого, – напомнила Илона Альбертовна.
- Для чего же? – холодно спросил Макс.
- Завещание, – напомнила неугомонная старушка. – Валентин обещал зачитать новое завещание!
- Никакого завещания нет, – ответил Олег Кошкин.
- Простите?
- Ему нужен был предлог, чтобы собрать вас вместе, – пояснил капитан. – Он знал, что друзья Евгении приедут, чтобы почтить ее память, но в домашних он был вовсе не уверен. Поэтому сказал им, что заодно прочитает новое завещание... чтобы они не вздумали заболеть или отговориться неотложными делами.
- В столовой поднялся протестующий гул голосов.
- Знаете, это просто смешно! – возмутился профессор. – Кем он себя воображал?
- Пойдите, пойдите, – вмешался Дмитрий. – Я что-то не понимаю. Ну, собрал он нас, и что дальше?
- А дальше, – подал голос критик, – товарищ капитан встал бы с места, представился бы честь по чести и предложил откровенно признаться, кто из присутствующих ухлопал гражданку Адрианову.
- Ах, так мы еще и подозреваемые! – вскричала Лиза. Ее щеки пылали. – Прелестно, просто прелестно!
- Вообще-то, план был несколько другой, – заметил Кошкин. – Валентин Степанович хотел сообщить вам о том, что дело вновь открыто, и поглядеть на вашу реакцию.
- И по реакции выяснилось бы, что Евгению убили все присутствующие, – хмыкнул критик. – Каждый приложил свою руку к этому эпическому злодеянию.
- Лев, прекрати, – попросила Виктория. Ее уже начали утомлять экскурсии в историю детектива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.